

НОВЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

1(10)
2012

Научный журнал

Издается с апреля 2011 года

СЕРИЯ «Актуальные проблемы гуманитарных и общественных наук»

Учредитель:

Главный редактор А. В. Бурков

ООО «Коллоквиум»

Полное или частичное воспроизведение материалов, содержащихся в настоящем издании, допускается только с письменного разрешения редакции.

Адрес редакции:

424002, Россия,
Республика Марий Эл,
г. Йошкар-Ола,
ул. Первомайская, 136 «А».
тел. 8 (8362) 65-44-01.
e-mail: ujourn@gmail.com.
<http://www.universityjournal.ru>.

Редактор: Е. А. Мурзина
Дизайн обложки: Студия PROекТ
Перевод на английский язык
Е. А. Мурзина

Бумага офсетная.
Распространяется бесплатно.
Тираж 220 экз.
Дата выхода: 30.01.2012.

ООО «Коллоквиум»
424002, Россия,
Республика Марий Эл,
г. Йошкар-Ола,
ул. Первомайская, 136 «А».

Отпечатано с готового оригинал-макета в
ООО «Типография «Вертикаль»
424036, Россия, Республика Марий Эл,
г. Йошкар-Ола, ул. Мира, 21.

Редакционная коллегия:

- А. В. Бурков**, д-р экон. наук, доцент (Йошкар-Ола).
(главный редактор)
А. В. Затонский, д-р техн. наук, доцент (Березники).
Л. В. Лукиенко, д-р техн. наук, доцент (Новомосковск).
Н. М. Митюков, д-р техн. наук, доцент (Ижевск).
Н. М. Насыбуллина, д-р фарм. наук, профессор (Казань).
Л. И. Фалюшина, д-р педаг. наук, доцент (Ульяновск).
О. Н. Кондратьева, канд. фил. наук, доцент (Кемерово).
Т. А. Магсумов, канд. истор. наук, профессор РАЕ
(Набережные Челны).
О. В. Белоус, канд. психол. наук, доцент (Армавир).
В. В. Вышкварцев, канд. юрид. наук, доцент (Москва).
И. Д. Котляров, канд. экон. наук, доцент (Санкт-Петербург).
Н. Е. Назарова, канд. техн. наук, доцент (Нижний Новгород).
К. И. Курпаяниди, канд. экон. наук, доцент (Узбекистан).
Г. А. Мамедова, канд. химич. наук, старший научный
сотрудник (Азербайджан).
Е. А. Мурзина, канд. экон. наук, доцент (Йошкар-Ола).
Т. В. Ялялиева, канд. экон. наук, доцент (Йошкар-Ола).

© ООО «Коллоквиум», 2012

СОДЕРЖАНИЕ	CONTENTS
ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ОСНОВ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА	CHALLENGES IN LAYING FOUNDATIONS OF DEVELOPMENT IN RUSSIA
Ф. И. Храмцова	F. I. Khramtsova
Сущность идеологических детерминант инновационного развития России.	Subject matter of ideological determinants of innovative development in Russia.
А. В. Мичурин	A. V. Michurin
Этническая толерантность – условие благополучия российского социума.	Ethnic tolerance as a condition of Russian society well-being.
ИСТОРИЯ ОБРАЗОВАНИЯ	HISTORY OF EDUCATION
М. В. Демчишин	M. V. Demchishin
Историко-педагогические условия становления теории внешкольного образования в России.	Historical and pedagogical conditions of non-formal education theory establishment in Russia.
НОВЫЕ ПОДХОДЫ В ОБРАЗОВАНИИ	NEW APPROACHES IN EDUCATION
Н. И. Мицкевич	N. I. Mitskievich
Развитие педагогического образования в контексте бипрофессиональной подготовки учителя.	Development of pedagogical education in the context of bi-vocational teacher training.
И. Ф. Межман	I. F. Mezhman
Изменения показателей адаптационных возможностей студентов в ситуациях экзаменационных и соревновательных стрессов.	Changes of students' adaptive capability indicators under the pressure of exams and competitions.
М. А. Мустафина	M. A. Mustafina
Формирование мотивации ученика и учителя.	Student and teacher's motivation establishment.
СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ	PAGES OF HISTORY
Н. И. Соловьянов	N. I. Solovianov
Культы римской армии на постэллинстическом пространстве империи в I-III вв.	Roman army cults existing on the territory of post-Hellenistic empire in I-III centuries.
СВЕЖИЙ ВЗГЛЯД	FRESH VIEW
Е. С. Корнев	E. S. Korenev
Боевое содружество СССР и МНР в годы Второй мировой войны.	Comradeship-in-arms of the USSR and Mongolian People's Republic during the Second World War.
<i>Указатель статей за 2011 год</i>	<i>2011 Article index</i>
<i>Информация для авторов</i>	<i>Information for the authors</i>

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ОСНОВ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

УДК 323.2

Ф. И. Храмцова

СУЩНОСТЬ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ДЕТЕРМИНАНТ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Изложена авторская концепция идеологии инновационного развития России. Проанализированы, сформулированы специфика, взаимосвязь понятий «политическая доктрина», «государственная идеология», «национальная идея» как детерминант инновационного развития общества. Доказано влияние идеологии на социальную сплоченность, динамику инновационной активности субъектов модернизации.

Ключевые слова: инновационное развитие общества, национальное государство, гражданское общество, социальная модернизация, идеология, политическая доктрина, национальная идея.

Процессы модернизации в Российской Федерации сопряжены с необходимостью разработки и внедрения целого ряда социогуманитарных технологий обеспечения консолидации гражданского общества, государства, бизнеса как фактора динамичного инновационного развития. Вместе с тем интеграция субъектов модернизации невозможна без учета идеологических детерминант инновационного развития России. В этой связи изречение Н. Макиавелли сегодня не утрачивает силу и показывает решающее значение идейного воздействия на сознание людей: «Никогда не веди войска в бой, пока ты не внушил им уверенности в себе и не убедился, что они вполне благоустроены и не боятся врага. Никогда не начинай сражения, если ты не знаешь, что войска верят в победу» [9, с. 296].

Фундаментальной для модернизации общества является проблема консолидации субъектов инновационного процесса на платформе стратегий политической доктрины, приоритетов государственной идеологии, ценностей национальной идеи общества как идеологических детерминант. Только при таком подходе возможна высокая степень социальной сплоченности, трактуемой в данной работе как политико-методологическая триада на уровне цели, средства, результата политики государства. В данной работе обосновывается прямая зависимость индекса инновационного развития России от развитости идеологического фактора политики государства. В работе представлена авторская концепция идеологических детерминант инновационного развития России.

Итак, проблема социального единения как объекта политики государства имеет многовековую традицию, уходя истоками в античность. В частности, в трактате «Государство» древнегреческий философ Платон раскрывает взаимосвязи политики формирования идейных убеждений для сплоченности в государстве: «... Закону не того нужно, чтобы какой-то один вид людей был особенно счастлив: закон стремится к такому состоянию для всего государства, делая граждан с помощью убеждения и принуждения гармоничными, он склоняет их к тому, чтобы они друг с другом делились тем имуществом, какое каждый в силах принести для всеобщего блага; закон не для того создает таких людей в государстве, чтобы позволить каждому идти всюду, куда тот захочет, но для того, чтобы употреблять их для единения государства» [3, с. 305]. Значение государственной идеологии в современных условиях трансформации социальных систем возрастает. На это указывают ведущие международные политологи, в частности, польский политолог Т. Жиро, С. М. Липсет, которые подчеркивают, что отсутствие идеологии государства ведет к утрате равновесия общества, социальному напряжению, делигитимизации власти как формы эрозии, разложения данного политического порядка. К таковым, по мнению авторов, «относятся бунт, государственный переворот или, наконец, революция» [3, с. 323].

Такая постановка вопроса согласуется с позицией академика РАН В. И. Жукова («Россия в глобальном мире: философия и социология преобразований»), который формулирует легитимность как универсальную справедливость: «Легитимно в мире то, что обеспечивает равенство прав и справедливость использования ресурсов» [5, с. 11]. Академиком РАН В. И. Жуковым в монографии «На рубеже тысячелетий: социология отечественных преобразований (1985-2005 годы)» обосновано назначение политики как инструмента гармонизации общества. В. И. Жуковым, который является одним из фундаторов российской социальной науки, следующим образом определена цель политики, как утверждение «согласия, солидарной ответственности, политической стабильности и устойчивого развития» [4, с. 490]. Развивая подход академика РАН В. И. Жукова в актуализации этических принципов социального государства, определим сущность идеологического фактора модернизации общества, который следует понимать как совокупность принципов «нравственного измерения» (по В. И. Жукову) экономических процессов, основанных на стремлении ликвидировать нищету и неравенство, установить социальную справедливость; перераспределении доходов в пользу неимущих слоев; установлении правовых норм, гарантирующих необходимые стартовые возможности, равный доступ ко всему разнообразию жизненных шансов» [4, с. 493-494].

Исходя из обозначенных подходов, разработка концепции идеологических детерминант социальной сплоченности в инновационном развитии России предпринята в русле методологии цивилизационной и модернизационной парадигм, концепций социальной справедливости:

- ✓ человек как существо сознательно-творческое, субъект эволюции и социальной инженерии, ответственный за все живое на планете;
- ✓ земля как «всеобщий дом», объект и субъект глобальной коэволюции;
- ✓ социальная модернизация как «проектная идентификация субъектов инновационного развития»;
- ✓ переопределение социального равенства на уровне закона;
- ✓ мобилизация интеллектуально-духовного потенциала на идейной платформе политической доктрины, идеологии государства, национальной идеи общества.

Первым шагом к пониманию этико-мировоззренческой компоненты обновления общества является герменевтический анализ двух стратегических проектов инновационного развития России: «инновационного проекта» В. В. Путина и «модернизационного проекта» Д. А. Медведева. Как показывает заключение экспертов Российского Гуманитарного Научного Фонда, оба проекта носят четко выраженный технократический характер, не содержат мировоззренческой компоненты. Все это не дает идеологических оснований для возникновения тенденций конструктивной интеграции внутри российского общества [7, с. 10]. В частности, по мнению В. Е. Лепского, консолидация субъектов модернизации возможна в рамках субъектно-ориентированного подхода. Это означает «смену объектов исследования, проектирования и управления, которыми становятся не только системы деятельности в целом, но и их субъекты»,

активно участвующие в инновационном развитии, готовые определять образ будущего, брать на себя ответственность за осуществление целей, задач [7, с. 12]. В этой связи реальная модернизация в России нуждается в наличии общественных и политических субъектов, обладающих волей для реализации проекта. Как показывает практика, основными проблемами развития России являются стагнация, бессубъектность, идеологическая разобщенность агентов модернизации: государства, общественных, политических сообществ, социальных институтов. Основными признаками обозначенных выступают блокировка рефлексии; неспособность адекватно оценить ситуацию, самоопределиться; недостаточность «прорывных» идей, готовности взаимодействовать с другими субъектами модернизации.

Об этом также свидетельствуют статистические данные динамики инновационного развития России. Несмотря на определенные позитивные сдвиги в переходе на инновационный курс развития, Россия значительно отстает от развитых стран. Так, по данным Всемирного банка по суммарному показателю конкурентоспособности экономики (380 показателей, включая уровень развития НИОКР) Россия занимала в 1994 году место в четвертой десятке из 180 стран мира. За шестнадцать-семнадцать лет страна переместилась во вторую сотню. Данные Центра исследований и статистики науки (ЦИСН) показывают, что только 5-6% российских промышленных предприятий осуществляют реальную разработку и внедрение технологических инноваций. Так, инновационная продукция в России составляет более 1%, этот же показатель в Финляндии – более 30%, в Италии, Португалии, Испании – от 10% до 20%. В мировом объеме торговли гражданской наукоемкой продукцией уже в течение ряда лет не превышает 0,5%. Для сравнения: доля США – 36%, Японии – 30%, Германии – 17%, Китая – 6%. У ведущих стран Запада расходы на НИОКР составляют 2-3% ВВП, в том числе у США – 2,7%, тогда как у таких стран, как Япония, Швеция, Израиль, достигает 3,5-4,5% ВВП. У России данный показатель составляет примерно 1% ВВП [7].

Такая ситуация в отечественной науке создает реальную угрозу национальной безопасности России. За последние годы снизился потенциал прикладной науки, развитие которой и определяет новые источники развития экономики. Уменьшилось влияние науки на общество в целом, на образование. Тиражи научно-популярных изданий снизились в сотни раз. Растрочен кадровый потенциал, возник дефицит молодежи в науке. Правительственные прогнозы социально-экономического развития страны не дают оснований для оптимизма. Состояние системы образования не в полной мере соответствует требованиям перевода страны на инновационный курс развития. Навязывание ЕГЭ негативно влияет на снижение креативного потенциала подрастающего поколения. Позитивные изменения наметились в сфере высшего образования, связанные с компьютеризацией, увеличением финансирования, созданием и развитием национальных исследовательских университетов, к небольшому числу которых относится Российский государственный социальный университет.

Сложившаяся ситуация стала следствием внедрения неолиберальных концепций, согласно которым государственное вмешательство в экономику приводит к негативным последствиям. Поэтому решение проблемы инновационного развития России видится, прежде всего, в обеспечении идеологического фактора государственной политики и политики структур гражданского общества в формировании социальной сплоченности. Актуальность проблемы обусловлена усугублением социально-экономических проблем, неэффективностью социальной политики, кумулятивностью разрывов между богатыми и бедными. Актуальность обозначенной проблемы осознается на уровне высшей власти, премьер-министр В. В. Путин подчеркивает: «Мы для чего с вами говорим об инновационном развитии экономики? Мы для чего говорим об укреплении обороноспособности страны, о развитии целого ряда секторов экономики? Все это не имеет никакого смысла, если человек не чувствует отдачи, а отдача – как раз в социальной политике: образование, здравоохранение, жилье, нормальная социальная среда в сельском хозяйстве». Вместе с тем, новейшая история показывает, важнейшим институтом демократий транзитивного типа является политическая доктрина государства. В науке общепризнанна возрастающая роль национальных идеологий в укреплении государственности. Рассматривая государство как верховный и универсально организованный институт власти, следу-

ет подчеркнуть его фундаментальное значение для социальной модернизации путем выработки политической доктрины в обеспечении социальной интеграции агентов инновационного процесса. Прежде всего, государство призвано обеспечить равновесие интересов групп, слоев, организаций.

Отправным пунктом политологического анализа рассматриваемой проблемы является определение государства в качестве центрального элемента политической системы. Нами дифференцируются понятия государство и национальное государство. Государство – это «особая форма организации политической власти в обществе, обладающая суверенитетом, монополией на применении узаконенного насилия и осуществляющая управление обществом с помощью специального механизма (аппарата)» [13, с. 135]. Вслед за Э. Гидденсом мы считаем, что все современные общества являются национальными государствами. Поскольку большинство населения считают себя частью единой нации. Атрибутами государства являются «политический аппарат управления, (такие институты, как парламент или конгресс, а также чиновники государственных служб), управляющий данной территорией, законная власть которого подкреплена законодательством и способностью применять военную силу для осуществления своей политики» [1, с. 372].

Подчеркнем, что в области методологии государств на первый план выдвигались ранее и остаются по-прежнему актуальными нравственно-правовые аспекты политики как инструменты социального равноправия как солидарности и общности целей, способов жизнедеятельности. Такой подход содержится в концепции государства И. А. Ильина (1883-1954), выдающегося мыслителя русского зарубежья. Ученый И. А. Ильин трактует государство как правовой союз, которому дана власть для поддержания равноправных отношений членов общества. Далее автор уточняет: «Государство есть союз людей, организованный на началах права, объединенный господством над единой территорией и подчинением единой власти. ... Несмотря на все различия людей в смысле возраста, пола, характера, богатства и субъективных прав, в положении каждого члена государственного союза есть сходство с положением всех остальных членов» [6, с. 135]. Оригинальную трактовку государства как субъекта права предложил видный польский политолог Томаш Жиро в книге «Политология». Т. Жиро рассматривает государство как особый тип политической организации, который «контролирует основные средства принуждения на определенной территории, автономной в своем функционировании, а управление им осуществляется централизованно с помощью формально установленных норм (таких, как право или идеология)» [3, с. 191]. Автор выделяет шесть фундаментальных характеристик современных политических систем. В каждой из них содержится общее – расширение возможностей участия в политике самых разных групп индивидов. Т. Жиро перечисляет эти свойства: 1) большая дифференцированность в области политической активности, функций, которые выполняет правительство, а также интенсификация разделения власти между различными институтами власти; 2) распределение политических прав, осуществленное с помощью избирательных систем, и в результате которого, формируется большой диапазон политической деятельности в обществе; 3) потенциальное активное участие различных групп в определении политических целей; 4) значительное развитие специфических политических и административных организаций, в особенности, партийно-политических организаций; 5) ослабление традиционных паттернов легитимизации правящих кругов и растущая институционализация формальной ответственности правящих в отношении тех, кто обладает политическими правами и их представителей; 6) формы институционализации конкурентной борьбы за власть и обретение властвующего положения [3, с. 176].

Такой подход в понимании феномена государства актуализирует значение политической доктрины как идеологического ядра политической системы общества. Исходя из этого, политическая доктрина выступает как движущая сила целого ряда сложных механизмов социальной модернизации. Все выше изложенное позволяет заключить, провозглашенные национальной доктриной, реализуемые идеологией государства стратегии модернизации прямо влияют на интенсивность инновационной активности агентов модернизации, а также на уровень развития демократии, качество жизни. Для раскрытия механизмов идеологических детерминант следует

определился с сущностью, различиями понятий доктрина, политическая доктрина, идеология, государственная идеология, национальная идея. Следует подчеркнуть, что в политической науке до настоящего времени нет четких определений как перечисленных выше понятий, так и формулировки их понятийной специфики. Анализ показывает, что эти понятия зачастую применяются в тождественном значении. В данной работе предпринята дифференциация идейно-понятийного политологического ряда. Развернутое определение понятия доктрина дано В. Ф. Халиповым в масштабном научном исследовании «Энциклопедия власти»: «Доктрина – (doctrine, от лат. doctrīna – учение, обучение, наука) – учение, научная или философская теория, система; руководящий теоретический или политический принцип или документ. Нередко доктрины получают названия по конкретным, но весьма масштабным сферам, отраслям, областям деятельности: государственная, национальная, военная, политическая, международная и т.д.; по имени соответствующих властных персон; по имени авторов, разработчиков конкретных доктрин; по периодам, времени разработки доктрины и даже в зависимости от географии тех или иных событий. <...> Те или иные доктрины в разных странах отличаются своей четкостью, определенностью, незыблемостью, требованием следовать им неукоснительно» [14, с. 510]. В работах Л. Альтюссера, Д. Белла, К. Манхейма, Г. Плесснера, В. Парето, Ю. Хабермаса и других авторов нами исследованы различные стороны понятия политическая доктрина [15], [16], [10], [21], [20], [17]. В итоге анализа разработана сущностная характеристика категории политическая доктрина. Итак, политическая доктрина – это научная система руководящих политических принципов, определяющих национально-государственный правопорядок, государственные стратегии и способы их реализации. Система политических принципов закрепляется на уровне государственной конституции, концептуальных, программных, нормативных документов, заявлений политических лидеров. Все перечисленное четко регламентирует цели, содержание, сроки, средства, границы деятельности субъектов политики в различных сферах общества. При этом политическая доктрина конкретно предписывает ценностные эталоны политики, как для государственных, так и общественных институтов на всей территории государства.

Важно выявить детерминации политической доктрины и идеологии, проанализировать функционально-инструментальные отличия. Для этого раскроем сущностные аспекты идеологии. Как отмечает Г. Ю. Семигин в справочном издании «Новая философская энциклопедия», понятие идеология введено в научный оборот французским философом Антуаном Дестютом де Траси в работе «Элементы идеологии» (1796). Термин введен для обозначения науки об общественных идеях [2, с. 81]. Заметим, что в дальнейшем это послужило в качестве одного из концептуальных оснований науки о политике и этике. Впоследствии К. Маркс и Ф. Энгельс рассматривали идеологию как одну из форм иллюзорного сознания, как реальность в виде воплощения идей. Марксисты подвергли критике немецкую идеологию за практическую инертность. Развивая подходы предшественников к трактовке социального детерминизма, О. Конт (1789-1857) создает социологию, науку об обществе, формулируя положения об индивидууме как части социального организма, детерминантах общественных и частных функций, закрепленных в законах общества. В. И. Ленин обогатил «идеологию» как научное понятие, инструмент защиты интересов трудящихся масс. В последующем К. Манхейм исследовал интегральную функцию идеологии в объединении интересов различных социальных групп и слоев. Э. Дюркгейм рассмотрел идеологию как способ социальной самоорганизации, «социальный клей», подчеркнув, что общество может выжить лишь тогда, когда между его членами существует значительная степень социальной однородности. Практическое значение идеологии, вслед за марксистами, исследовали К. Поппер и К. Фридрих, раскрыв механизмы идеологии на основе анализа деятельности партий, правящих элит, социальных групп.

Предпринятая экскурсивная выборка уточняющих дефиниций идеологии из философских, социологических, политологических источников показывает различные значения. Общее значение идеологии трактуется как целостный свод идей, ценностей и норм, объединяющих всех граждан. Выделяется социально-классовый аспект понятия идеология – это система взглядов, идей, характерных для какой-либо группы, класса, партии [14, с. 523]. Наконец, идеология

рассматривается как социально-политическая теория, обосновывающая цели, направления, средства общественного развития. При таком подходе идеология рассматривается как система концептуально оформленных представлений и идей, которые выражают интересы, мировоззрение и идеалы различных субъектов политики – классов, наций, общества, политических партий, общественных движений и выступает формой санкционирования или существующего в обществе господства и власти (консервативные идеологии) или радикального их преобразования (идеологии «левых» и «правых» движений) [12, с. 81].

Между тем, в современной науке наблюдается четкая дифференциация значений идеологии как понятия и политической доктрины. Показателен подход М. Реджай в работе «Словарь истории идей», на которого ссылается Т. Жиро в работе «Политология». В частности, М. Реджай акцентирует внимание на деятельностном аспекте идеологии в политике: «Важно различать идеологию в политике и идеологию в науке. В первом случае мы сосредотачиваемся на деятельности – и проблема заключается в эффективности. Во втором – мы сосредотачиваемся на мышлении – и проблема заключается в принципиальности» [3, с. 404]. В продолжение аргументации этой идеи Т. Жиро раскрывает позиции современных западных исследователей Дж. Сартори, М. Лернера, К. Фридриха и др. В их работах идеология трактуется как практическое средство преобразования идей в социальные рычаги. Т. Жиро обобщает позиции ученых и заключает, что идеологию в таком значении следует понимать «как матрицу человеческих свершений в социальной сфере, как преобладающую силу при определении политических целей, как главный источник существования политического сообщества» [3, с. 406].

Парадигмальный аспект идеологии вычленяет российский политолог Г. Ю. Семигин. Согласно авторской трактовке, данное понятие образует базовый концепт парадигмы политического плюрализма. Это предполагает, по мнению Г. Ю. Семигина, наличие «идейного рынка» в современных демократических государствах [2, с. 81]. В принципиальном аспекте, не оспаривая ключевых положений Г. Ю. Семигина о политическом плюрализме, все же подчеркнем следующее. В современных политических условиях «идейный рынок» в отдельно взятом национальном государстве транзитивного типа имеет различный удельный политический вес, определяемый статусом субъектов политики. Поэтому, для государства с переходной экономикой, недостаточно развитой демократией, «идейный рынок» в основном составляет один из источников формирования и обновления политической доктрины. Таким образом, понятие идеология имеет широкий социально-политический спектр. В зависимости от сфер функционирования идеологии, она приобретает четко выраженный локальный характер. В обществе существуют идеологии партий, объединений, движений, а также идеологии сообществ различных сфер: экономической, политической, налоговой, молодежной и т.д. Ни одна из этих идеологий не обладает политическим статусом государственной идеологии. Более того, именно государственная идеология является идейной объединительной платформой существующих идеологий. Различные идеологии конкретизируют и претворяют стратегические цели идеологии государства в различных сферах, на соответствующих институциональных уровнях. Для современных социальных систем характерна возрастающая роль государственной идеологии. Идеологии формируются на уровне отдельных групп, объединенных общими целями социальной кооперации. Это целевые идеологии организации, группы, коллектива, компании, субъекта хозяйствования, отрасли и т.д.

Поэтому, понимая национальную доктрину как генеральный план инновационного развития, идеологию государства следует рассматривать как особый и важнейший инструмент достижения общенациональных стратегий, заявленных в доктрине, закрепленных на уровне институциональных механизмов. Идеология государства выступает одновременно как социально-политическая теория и как эффективный инструмент политической доктрины. При этом, государственная идеология, отражающая чаяния и потребности различных групп, составляет часть этнокультуры, идейный базис общества, являясь формой индивидуально-группового сознания. Отсюда следует заключить, идеология государства – это консолидирующий и стабилизирующий фактор интеграции групп для решения актуальных общественно-политических и социально-экономических задач социальной модернизации России на основе четких, ясных и близких

гражданам социально-политических идей. В этой связи следует отметить специфическое свойство феномена идеология государства как транспарентность целей, задач, принципов.

В контексте рассматриваемой проблемы идеологического фактора модернизации правомерен политико-антропологический подход к рассмотрению государственной идеологии как ценностно-ориентационного способа формирования мировоззрения человека, политического отношения к миру, обществу, политической системе, к самому себе. Это осуществляется на основе норм ортодоксальности политической доктрины. Под ортодоксальностью доктрины государства понимается последовательное соответствие социальным нормам, традициям, ценностям, идеалам на уровне убеждений, отношений, деятельности. Другими словами нормы ортодоксальности – это общепринятые на уровне общества и закреплённые на государственном концептуально-программном уровне ценностные регуляторы социально-политических отношений. Регуляторами следует считать общечеловеческие ценности в национальном контексте: справедливость; равенство; гражданственность; патриотизм; коллективизм; толерантность.

Остановимся на характеристике комплекса функций государственной идеологии. В науке выделяются ориентационно-мировоззренческая, познавательная, воспитательная, интеграционно-координационная функции государственной идеологии. Сущность ориентационно-мировоззренческой функции как инструмента политического воздействия раскрывает Т. Жиро: «Политическое сознание рождается как следствие мировоззрения. Последнее же, не в последнюю очередь, связано и с идеологическими убеждениями. Идеология побуждает к действию, формирует активных защитников дела, делает понятными пути достижения цели. Отсюда и ее популярность в периоды смут и социальной апатии» [3]. Познавательная функция идеологии обеспечивает формирование системы научных знаний о политико-правовых основах национальной государственности и механизмах формирования гражданского общества. Воспитательная функция идеологии означает идейно-политическую подготовку гражданского населения как активных субъектов инновационного развития общества. Наряду с этим для модернизации важна интеграционно-координационная функция идеологии. Это обеспечивает адаптацию индивидов к требованиям норм ортодоксальности политической доктрины. В той же работе Т. Жиро, со ссылкой на взгляды К. Геертца, подчеркивается, что эти функции «обеспечивают в некоторых государствах идеологические эталоны жизнеспособности в течение длительного времени» [3, с. 410].

Идеология государства по своей природе имплицитна национальной идее общества как духовно-эволюционной матрицы отдельного этноса, нации. Так, социальная наука выделяет нравственно-духовное и эмоционально-ментальное основание идеологии государства в виде национальной идеи. Выдающийся российский гуманист-правозащитник, ученый-философ, академик Д. С. Лихачев в работе «Три основы европейской культуры и русский исторический опыт» раскрывает методологию национальной идеи, подчеркивая, что стержнем национальной идеи любого государства являются три нравственных опоры: любовь к Отечеству, историческая память, гражданский долг. Именно это объединяет народ и делает его непобедимым [8, с. 15-16]. В философии и политологии национальная идея рассматривается как форма общественно-группового сознания. Понятие национальная идея означает этническую идентичность на основе исторического прошлого, настоящего и будущего, особенностей национального характера. Современные ученые Е. М. Бабосов, Е. В. Матусевич, В. А. Мельник, С. Г. Паречина, Я. С. Яскевич и др. исследуют связи идеологии с национальной идеей. По мнению авторов, национальная идея обозначает доминирующие в сознании народа представления о самом себе как этнической общности и смыслах бытия. Как уточняет В. А. Мельник, «с одной стороны, национальная идея есть самосознание (самоидентификация) общности себя в качестве нации, с другой – ее послание миру о своем бытии, о своих интересах, устремлениях и ценностях как уникальной исторической общности людей» [11, с. 25].

Из этого следует, что идеологический фактор политики государства понимается как ключевой компонент конструирования устойчивой политической системы. Это предполагает обновление правовых механизмов обеспечения равенства прав и возможностей различных социальных групп. В условиях трансформации социальные противоречия, обусловленные неравен-

ством, многократно усугубляются. Для преодоления этих процессов необходима горизонтально-вертикальная координация всех субъектов социальной модернизации. Требуется политика мобилизации гражданского общества средствами идеологической работы в социуме, по месту жительства, с гражданами разных социальных статусов. Следовательно, основополагающим принципом методологии государственного управления инновационными процессами является принцип переопределения социального равенства. Данный принцип вытекает из продуктивных идей современных концепций равенства. Как подчеркивает западный политолог Д. Белл, сегодня поставлено на карту – переопределение равенства [16]. Главным являются гарантии равных условий, обеспечиваемые законом. Смысл равенства состоит в реальной возможности индивида улучшить свой жизненный статус на основе выбора жизненных стратегий. В известной книге «Конец идеологии» (1960) Д. Белл разрабатывает модель «постиндустриального общества» как «справедливую меритократию». Б. Белл выделяет характеристики такого общества: рост производства, расширение возможностей потребления, культурных ценностей, «... информация и знания – основные черты постиндустриального общества» [16, с. 4-5]. По Д. Беллу, индивид может претендовать на принадлежность к любому из статусов (уровней общества), в отличие от категории классовости. Роль играют не наследство и собственность. Значение имеют достижения индивида (образование, квалификация, таланты, деловые качества). Д. Белл подчеркивает, что цель социентального устройства в том, чтобы «предоставить индивиду свободу осуществлять свои цели – путем труда добывать собственность, путем обмена удовлетворять свои желания, путем восходящей мобильности достигать места по своему таланту» [16, с. 29]. Другой авторитетный западный политолог С. Липсет обосновал возможности снижения конфликтов в обществе по мере роста богатства в западных странах. С. Липсет объяснял это следующими факторами: «Высшая экономическая производительность связана с более равными потребительскими благами и образованием – факторами, способствующими сокращению напряженности внутри общества. По мере увеличения благосостояния нации разрыв в статусах <...> уменьшается» [19, с. 406-407]. С. Липсет высказывает ценную мысль о необходимости структурных изменений в социентальной системе. Это снижает уровень дифференциации групп, неравенства в обществе. Отсюда возможно изменение статусов групп и их передвижение в социальной системе.

К. Биденкопф и К. Дженкс расширили экономические аспекты трактовки эгалитаризма. По их мнению, актуально создание не только равенства условий для людей на старте, но достижений на финише, с гарантией неравных результатов как следствия неодинаковых способностей людей. Способами выравнивания достижений на финише выступают сокращение разрыва в получении вознаграждений, распределении доходов, обладании собственностью. Как отмечает К. Дженкс, «выравнивание возможностей является почти невероятным без значительного снижения абсолютного уровня неравенства» [18, с. 4]. Новая трактовка социального равенства как теории «честности» представлена в работах Дж. Роулса, Г. Генса, К. Дженкинса и др. Теоретики предложили использовать налоги как инструмент перераспределения собственности и доходов в пользу неимущих, малоимущих, уязвимых слоев населения. Дж. Роулс, автор теории «справедливости как честности», раскрыл этико-эгалитарное содержание двух принципов справедливости: политического и экономического. Первый – понимается как равные права на свободу как свободы других (право голосовать, быть избранным, свободы слова, собраний, мысли и совести, свобод, связанных с правом собственности, от произвольного ареста, захвата имущества и т.д.). Второй принцип – распространяется на распределение доходов, благ, а также на институты, базирующиеся на неравенстве власти и ответственности. Демократическое равенство следует понимать как соединение приемлемого равенства возможностей с принципом различия. Дж. Роулс делает вывод, если нет распределения, улучшающего положение обеих групп, то предпочтительнее равное распределение доходов. Именно в этом смысле принцип различия обеспечивает углубление демократии [22].

Методологический интерес представляет концепция «конфликтной модели» общества Р. Дарендорфа. Он полагает, что структурным компонентом общества являются социальные

неравенства групп, классов, страт, порождающие конфликты. Их причины лежат не в отношениях, связанных с частной собственностью, а в структуре властных отношений. Поэтому требуется перераспределение власти на принципах равенства доступа всех социальных общностей к процессам принятия политических решений. Равенство возможностей трактуется как жизненные шансы в виде благоприятных возможностей выбора социальных связей, определяющих жизнь человека как ответ на жизненные шансы. Р. Дарендорф полагает, что задача общества состоит в расширении «жизненных шансов» как непрекращающегося процесса развития человеческой природы. Тогда как задача индивида – это адекватная реакция путем решения дилеммы личности и свободы. При этом человек сам должен создавать для себя перспективы и ставить задачи.

Таким образом, обобщая разработку идеологических детерминант инновационного развития, соотношения различных форм (доктрина, политическая доктрина, государственная идеология, национальная идея), заключим: идеологические атрибуты присущи любому национальному государству. Это выражается в концентрированном содержании ценностей общества, целей, способов инновационного развития. Приоритет принадлежит политической доктрине как генеральному курсу развития общества. Назначение идеологии государства состоит в объединении общественного сознания на основе стратегий инновационного развития общества. Ценности государственной идеологии отражают идеи социальной справедливости, равенства, переопределении равенства. Идеология государства призвана мобилизовать группы, общности на решение задач инновационного развития. Ментальной основой национальной идеи являются нравственные чувства, ценности индивидов: любовь к отечеству, гордость за принадлежность к нации, за достижения народа, уважение истории, культуры, традиций общества. Тем самым обеспечивается социальное единство групп, слоев как консолидация целей, интересов, приоритетов.

Следовательно, идеологические детерминанты модернизации влияют на процессы принятия политических решений, что обеспечивает условия равенства возможностей и равенства результатов граждан различных статусов. Выравнивая результаты и обеспечивая статусы индивидов и групп на определенном гарантированном уровне, государство тем самым может и обязано выравнивать шансы людей, создавая более или менее приемлемое равенство возможностей для последующего развития. Государственные механизмы призваны обеспечить сокращения разрывов в доходах, возможностях различных категорий граждан, в особенности, молодежи. Мировая практика свидетельствует: без четкой стратегии социальной сплоченности как равенства возможностей и равенства результатов невозможно динамичное инновационное развитие общества.

Таким образом, в инновационном развитии России возрастающая интеграционная роль принадлежит идеологическому фактору. Это обусловлено следствием глобальных, национальных экономических, политических, социально-культурных трансформаций. Идеологический фактор социальной модернизации становится ключевым в расширении и структурировании равенства возможностей граждан как новых жизненных шансов, новых социальных статусов. Идеологические детерминанты состоят в динамичном характере влияния на динамику инновационной активности граждан, как на уровне политики государства, так и на уровне субполитики гражданского общества. И наоборот, игнорирование идеологического фактора инновационного развития России может быть разрушительным для современного общества, его институтов. Инновационное развитие общества означает укоренение и обновление национальной идентичности человека в культуре общества, его традициях, идеалах, нравственных и семейных ценностях, в ценностях истории, культуры, языка, на основе консолидации всего общества с целью обогащения духовно-нравственного потенциала российского народа.

Библиографический список

1. Гидденс, Э. Социология / При участии К. Бердсолл: Пер. с англ. Изд. 2-е, полностью перераб. и доп. – М.: Едиториал УРСС, 2005. – 632 с.

2. Новая философская энциклопедия. В 4 т. / Институт философии РАН, Нац. общ.-научн. фонд, научно-ред. совет: пред. В.С. Степин, замест. предс: А. А. Гусейнов, Г. Ю. Семигин, уч. секр. А. П. Огурцов. – М.: Мысль, 2001. – Т. 2. – 612 с.
3. *Жиро, Т.* Идеология / Т. Жиро // Политология / пер. с польск. – Харьков: Изд-во Гуманитарный центр, 2006. – 428 с.
4. *Жуков, В. И.* На рубеже тысячелетий: социология отечественных преобразований (1985-2005 годы) / В. И. Жуков. – М.: Изд-во РГСУ, 2008. – 940 с.
5. *Жуков, В. И.* Россия в глобальном мире: философия и социология преобразований / В. И. Жуков. Изд. 2-е. перераб. и доп. В 3 т. – Т. 1. Россия на рубеже тысячелетий: социология экономики и политики (1985-2005). – М.: Издательство РГСУ, 2007. – 553 с.
6. *Ильин, И. А.* Общее учение о государстве и праве / И. А. Ильин. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: Хранитель, 2006. – 510 с.
7. *Лепский, В. Е.* Становление стратегических субъектов: постановка проблемы / В. Е. Лепский // Рефлексивные процессы и управление. – 2002. – № 1. – Т. 2. – С. 5-23.
8. *Лихачев, Д. С.* Три основы европейской культуры и русский исторический опыт / Д. С. Лихачев // Наше наследие. – 1991. – С. 15-16.
9. *Макиавелли, Н.* Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. О военном искусстве. / Пер. с итал. – М.: Мысль, 1996. – 639 с.
10. *Манхейм, К.* Диагноз нашего времени / Пер. с нем. и англ. – М.: Юрист, 1994. – 700 с.
11. *Мельник, В. А.* Современный словарь по политологии / В. А. Мельник. – Минск: Книжный Дом, 2004. – 640 с.
12. Новая философская энциклопедия: В 4 т. / Ин-т философии РАН, Нац. общ.-науч. фонд. – М., 2001. – 718 с.
13. Политология: учебник / Под ред. М. А. Василика. – М.: Гардарики, 2004. – 588 с.
14. *Халипов, В. П.* Энциклопедия власти / В. П. Халипов. – М.: Академический проект; Культура, 2005. – 1056 с.
15. *Althusser, L.* Ideologie et Appareils ideologiques d'Etat. «La Pensee». (P), 1970, № 151, p. 3 -38.
16. *Bell, D.* The End of Ideology. On the Exhaustion of Political Ideas in Fifties. Giencoe, 1960, 416 p.
17. *Habermas, J.* Studies in the Theory of Ideology, ed. J.B. Thompson. Cambr., 1984.
18. Jencks Chr. a. o. Inequality. A Reassessment of the Effect of Family and Schooling in America. New York – London, 1972. P. 4.
19. *Lipset, S.* The Changing Class Structure and Contemporary European Politics. – Daedalus, XCIII (Winter 1964), P.271-486.
20. *Pareto, V.* Ceuvres completes; Tome IV. Libre-echangisme, protectionisme et socialisme. Librairie DROZ, Geneve, 1965. – 231 p.
21. *Plessner, H.* Zwischen Philosophie und Gesellschaft. Bern, 1953, S. 221 – 240.
22. *Rawls, J.* A Theory of Justice. Oxford, 1971. – 607 p.

Статья поступила в редакцию 12.12.2011.

ХРАМЦОВА Флюра Ибрагимовна – доктор политических наук, профессор кафедры социальной работы и социального права Российского государственного социального университета (филиал в г. Минске Республики Беларусь).

УДК 323.111

А. В. Мичурин

ЭТНИЧЕСКАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ – УСЛОВИЕ БЛАГОПОЛУЧИЯ РОССИЙСКОГО СОЦИУМА

В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты проблемы этнической толерантности. В заключительной части статьи предлагается совокупность мер, направленных на развитие этнической толерантности в современном российском обществе.

Ключевые слова: межэтнические отношения, терпимость, толерантность, этническая идентичность, этническая толерантность.

Современное российское общество весьма неоднородно по своему этническому составу. В него входят представители более 160 этносов, являющихся носителями сложившихся на протяжении многих веков уникальных культур. С одной стороны, столь широкая этническая мозаичность российского социума способствует духовно-культурному обогащению всех его членов, с другой – таит в себе источник несогласия и конфликтности.

«Любое общество, не имеющее этнической, социальной и культурной однородности для обеспечения своей стабильности, нуждается в толерантности» [1, с. 140], – пишет профессор Л. В. Скворцов. И с его мнением трудно не согласиться. Ведь, как справедливо отмечает другой известный исследователь – американский политический философ М. Уолцер, толерантность «нужна для защиты самой жизни, ибо преследование часто доводится до смерти; кроме того, она обеспечивает общественную жизнь, жизнь тех разнообразных сообществ, в которых живем мы все» [2, с. 14].

Терпимость, как «добродетель, которая делает возможным достижение мира и способствует замене культуры войны культурой мира» [3], укоренялась в социуме постепенно. Это был длительный, сложный и противоречивый процесс, обусловленный следующими основными факторами. Во-первых, сменить вражду на терпимость и объединиться с тем, кто на тебя не похож, чьи убеждения, поведение, традиции и т.п. для тебя неприемлемы, людей заставляли общие проблемы: необходимость преодоления последствий стихийных бедствий, потребность в защите от нападения опасных животных, могущественных завоевателей и т.д. И в этом смысле терпимость способствовала выживанию человеческого рода. Во-вторых, в установлении взаимной терпимости между своими подданными были заинтересованы представители власти. Высеченный на камне эдикт Ашоки, «Миланский эдикт» Константина I и Лициния, «Нантский эдикт» Генриха IV, Указ «О веротерпимости» Екатерины II, «Акт об установлении религиозной свободы» Ассамблеи Виргинии, «Декларация принципов терпимости» государств-членов ЮНЕСКО – вот лишь некоторые из множества нормативно-правовых документов, провозглашенных государственными деятелями для борьбы с нетерпимостью, обеспечения единства и прогрессивного развития управляемых ими обществ. В-третьих, к терпимости как нравственно обоснованному принципу поведения призывали творцы духовной культуры человечества: пророки, мудрецы, философы, общественные деятели и т.д.

Следует отметить, что эффективность перечисленных выше трех факторов формирования в социуме терпимости была неодинаковой. Проблемы, способные объединить имеющие различные интересы социальные группы в единое целое, могли со временем потерять свою актуальность. Соответственно, пропадала и необходимость терпимого отношения к членам аут-групп. Аналогичным образом обстояло дело и с культивированием терпимости «сверху», посредством правовых норм. При отсутствии поддержки со стороны народа этот метод был эф-

фактивен лишь до тех пор, пока у государства было достаточно сил для обеспечения контроля за исполнением законов. Если же люди становились терпимее осознанно, согласившись с аргументами духовных авторитетов, то необходимость в каких-либо внешних стимулах для предотвращения нетерпимости отпадала.

Проблема терпимости всегда вызывала большой интерес у российских исследователей.

В досоветский период (XIX-первой половины XX вв.) она рассматривалась в контексте взаимоотношений между представителями не столько различных этнических групп, сколько между представителями разных религий. Взамен прагматической терпимости католиков и протестантов, а также основанной на безразличии терпимости либералов, русские философы предложили православную модель терпимого отношения, в основе которого лежит любовь.

Василий Васильевич Розанов, говоря об отношении русского народа к религиозным различиям, утверждал, что «весь русский народ закричал бы «не надо» при виде первого же насилия, первой грубости к ино-крещеному, ино-верному. Притеснения бывали и у нас за веру, – отмечал философ, – но никогда – народные, никогда – из толпы» [4, с. 335].

Владимир Сергеевич Соловьев полагал, что терпимость, как допущение чужой свободы, хотя бы предполагалось, что она ведет к теоретическим и практическим заблуждениям, не есть ни добродетель, ни порок, а может быть в различных случаях тем или другим, в зависимости от предмета терпимости и ее внутренних мотивов. В частности, злодеяние сильного над слабым не должно быть терпимо, и потому «терпимость» к нему не добродетельна, а безнравственна [5, с. 194-195].

Николай Александрович Бердяев обратил внимание на проблему религиозной терпимости в работе «Философия свободного духа». Отрицание религиозной свободы, фанатическая нетерпимость и насилие в духовной жизни, полагал Бердяев, родились из идеи принудительного спасения, идеи, противоположной смыслу христианства. Бог сам мог бы насильственно спасти весь род человеческий, мог бы лучше и вернее это сделать, чем насилие церковной иерархии или государственной власти [6, с. 107-108]. Христианство, продолжает Н. А. Бердяев, признает свободу совести и требует терпимого отношения к человеческой душе, к ее интимному духовному опыту и духовному пути, потому что свобода входит в содержание христианской веры, потому что христианство есть религия свободы. «Сам Бог бесконечно терпим к злу мира. Он терпит во имя свободы самых страшных злодеев» [6, с. 107-108].

Веротерпимость с позиции христианской веры, полагал Бердяев, «не есть терпимость к человеческим заблуждениям и ложным верованиям, а есть любовно-бережное отношение ко всякой человеческой душе, к ее внутренней духовной жизни, к ее индивидуальному пути» [6, с. 109-110]. В отрицании свободы религиозной совести, насилии и грубости в отношении к религиозной жизни человека, философ видел механизацию и материализацию религиозной жизни, а также отрицание духа и духовной жизни. Бердяев был убежден, что в делах веры нельзя настаивать на формальной терпимости. «Терпимость как формальный и бессодержательный принцип, эта безразличная терпимость, так распространенная в наше время, есть результат религиозной холодности и безразличия, отсутствия волевого избрания и любви».

Аналогичной позиции придерживался и Семен Людвигович Франк. В работе «Духовные основы общества. Введение в социальную философию» он противопоставил либеральную терпимость, являющейся, по его мнению, лишь неким мертвым осадком, потенциальным зачатком, минимумом любовного отношения к людям, любви истинной, христианской. Любви, являющейся положительной творческой силой, расцветом души, радостным приятием другого, удовлетворением своего собственного бытия через служение другому, перенесением центра тяжести своего бытия на другого [7, с. 323].

В советской философии проблема терпимости рассматривалась сквозь призму коммунистической теории. И хотя само понятие «терпимость» в ней определялось идеологически нейтрально, как «моральное качество, характеризующее отношение к интересам, убеждениям, верованиям, привычкам в поведении других людей» [8, с. 337], тут же следовала оговорка, что требование терпимости «получает исторически конкретное и практически рациональное толкование» [8, с. 338] в коммунистической нравственности. В отличие от «абстрактной» и «безус-

ловной» терпимости христианства, столь высоко оценивавшейся представителями русской религиозной философии, коммунистическая терпимость касалась лишь «способов и методов разрешения социальных конфликтов и идейных разногласий, но отнюдь не вопроса о верности определенным принципам» [8, с. 338]. Ни о каких идейных компромиссах, а, тем более, примирении с враждебными взглядами при таком понимании терпимости не могло быть и речи. Единственное, что допускалось в идейной борьбе – готовность рассматривать все аргументы оппонента, а затем, путем доказательства отстаивать свою позицию. В работе Коммунистической партии терпимость проявлялась в предпочтении убеждения и разъяснительной работы принуждению, администрированию и правовому воздействию.

Следует отметить, что коммунистический взгляд на терпимость господствовал не только в советской философии, его разделяли и обычные граждане. По крайней мере, об этом свидетельствуют результаты социологического исследования, проведенного в СССР в 1983 г. Опрос показал: лишь 10-12% советских граждан считали, что идеи, противоречащие коммунистической теории, и соответствующее им общественное поведение, имеют полное право на существование и уважение. Остальные респонденты полагали, что к таким идеям и поведению следует относиться нетерпимо: от необходимости их разоблачения, идейной борьбы (около 60%), до применения репрессивных мер (30-35%) [9, с. 56].

Основополагающие нравственные принципы, верность которым необходимо было хранить советским гражданам, и нарушение которых следовало пресекать, содержались в Моральном кодексе строителя коммунизма. Роль этого «научно обоснованного» свода принципов коммунистической морали в СССР была столь велика, что ссылки на него имелись даже в некоторых нормативно-правовых документах (Семейный кодекс, Устав средней общеобразовательной школы и др.). Советские люди должны были изучить в школе, а затем реализовать в жизни, такие нравственные нормы, как преданность делу коммунизма, любовь к социалистической Родине, к странам социализма; добросовестный труд на благо общества; забота каждого о сохранении и умножении общественного достояния; высокое сознание общественного долга, нетерпимость к нарушениям общественных интересов; коллективизм и товарищеская взаимопомощь; гуманные отношения и взаимное уважение между людьми; честность и праведность, нравственная чистота, простота и скромность в общественной и личной жизни; взаимное уважение в семье, забота о воспитании детей; непримиримость к несправедливости, тунеядству, нечестности, карьеризму, стяжательству; дружба и братство всех народов СССР, нетерпимость к национальной и расовой неприязни, непримиримость к врагам коммунизма, дела мира и свободы народов; братская солидарность с трудящимися всех стран, со всеми народами [10, с. 840].

Из приведенных выше принципов коммунистической нравственности особого внимания заслуживает предпоследний. Он отражает модель этнической терпимости, характерную для внутренней политики СССР. В монографии С. Г. Ильинской, эта модель получила название «сообщественной» или «дружбы народов» [11, с. 204-212].

«Сообщественная модель терпимости в форме паритетного и пропорционального представительства различных этнических групп на всех уровнях власти, включая символический, и общегражданская идентичность «советского человека», – по справедливому мнению С. Г. Ильинской, – имели огромное влияние для предотвращения культурно-политических конфликтов в Советском Союзе» [11, с. 210].

После распада Советского Союза интерес к проблеме терпимости в отечественной науке в целом и в философии в частности значительно возрос и продолжает оставаться на весьма высоком уровне до сих пор.

В теоретическом плане, научный анализ терпимости актуализировала малая разработанность данной проблемы в трудах советских ученых, в практическом – потребность нового российского государства в научно-обоснованных технологиях формирования терпимых граждан, тех, кто смог бы успешно жить в условиях экономического, политического, социального и духовного плюрализма.

Необходимо обратить внимание на тот факт, что понятие «терпимость» в современном – постсоветском – русском языке стало выражаться не только одноименным словом «терпимость», но и словом «толерантность». Если в обыденном сознании россиян между этими словами нет разделения [12, с. 28], то научной сфере ситуация сложилась иным образом. Одна часть российских исследователей, говоря о проблеме терпимости, использует в своих работах только одно слово: либо «терпимость», либо «толерантность» (А. Е. Зимбули, А. В. Перцев, М. Б. Хомяков и др.). Другая часть употребляет оба слова, считая их синонимами (М. П. Мчедлов и др.). Для третьих, слова «терпимость» и «толерантность» являются формами выражения разных понятий (П. К. Гречко, М. С. Джунусов, Е. С. Черепанова и др.).

Принципы, которыми руководствуются исследователи, принадлежащие к первой и второй группе, позволяют им находить терпимость (толерантность) в любых существовавших и существующих обществах, а также говорить о различных пониманиях терпимости (толерантности). В соответствии с взглядами третьей группы российских ученых, толерантность представляет собой особый, современный не только в хронологическом, но и в социально-историческом смысле вид терпимости [13].

На наш взгляд, последний подход, является более обоснованным и удобным. Он позволяет рассматривать толерантность в качестве особого вида терпимости, основанного на разделяемых современным мировым сообществом правовых и нравственных нормах.

Современное понимание терпимости сложилось во многом благодаря деятельности Организации Объединенных Наций, членом которой является Российская Федерация. Можно даже сказать, что с появлением этой международной организации терпимость превратилась из абстрактной философской идеи в международно-признанный принцип цивилизованных человеческих отношений. Подтверждением этого тезиса служит содержащееся в преамбуле Устава ООН намерение народов объединенных наций «проявлять терпимость и жить вместе, в мире друг с другом, как добрые соседи» [14].

Определение понятия «терпимость», которое разделяют 193 государства мира (в том числе и Российская Федерация), содержится в ст. 1 «Декларации принципов терпимости» ЮНЕСКО от 16 ноября 1995 года [15].

«Терпимость, – гласит ее первый пункт, – означает уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявления человеческой индивидуальности. Ей способствуют знания, открытость, общение и свобода мысли, совести и убеждений. Терпимость – это гармония в многообразии. Это не только моральный долг, но и политическая и правовая потребность. Терпимость – это добродетель, которая делает возможным достижение мира и способствует замене культуры войны культурой мира».

В следующем пункте ст. 1 говорится о мотивации и субъектах толерантного отношения. «Терпимость, – читаем мы его, – это не уступка, снисхождение или притворство. Терпимость – это прежде всего активное отношение, формируемое на основе признания универсальных прав и основных свобод человека. Ни при каких обстоятельствах терпимость не может служить оправданием посягательства на эти основные ценности, терпимость должны проявлять отдельные люди, группы и государства».

Третий пункт ст. 1 «Декларации принципов терпимости» указывает на наличие связи между толерантностью, правами человека, плюрализмом, демократией и правопорядком, а также повествует о познавательных установках, которые должны быть присущи толерантному субъекту. «Терпимость – это обязанность способствовать утверждению прав человека, плюрализма (в том числе культурного плюрализма), демократии и правопорядка. Терпимость – это понятие, означающее отказ от догматизма, от абсолютизации истины и утверждающее нормы, установленные в международных правовых актах в области прав человека».

И, наконец, в последнем – четвертом – пункте речь идет о границах толерантного отношения. «Проявление терпимости, которое созвучно уважению прав человека, не означает терпимого отношения к социальной несправедливости, отказа от своих или уступки чужим убеждениям. Это означает, что каждый свободен придерживаться своих убеждений и признает такое

же право за другими. Это означает признание того, что люди по своей природе различаются по внешнему виду, положению, речи, поведению и ценностям и обладают правом жить в мире и сохранять свою индивидуальность. Это также означает, что взгляды одного человека не могут быть навязаны другим».

Российское государство, как часть российского общества и его важнейший институт, а также его граждане, уже в силу конституционных норм не могут быть интолерантными. В соответствии с российской Конституцией, принятой в 1993 г. на референдуме многонациональным народом России, человек, а также его права и свободы являются высшей ценностью (ст. 2). Злоупотребления правами и свободами не допускаются. Осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц (ч. 3 ст. 17) [16]. Однако в реальных социальных процессах мы часто можем наблюдать всевозможные проявления интолерантности.

Проблема заключается в том, что провозглашенные в Основном законе России демократические нормы и ценности, обеспечивающие толерантность, довольно медленно усваиваются российским народом. Для большинства россиян они являются лишь абстракциями, не имеющими никакого отношения к российской действительности.

Особенностью России, несмотря на внешние признаки современного государства, до сих пор является сохранение традиционной ценностной матрицы с такими ее атрибутами, как:

- 1) восприятие власти как собственности;
- 2) снисходительное отношение к нарушению формальных законов (широкое «поле терпимой противозаконности», невозможное в государстве с устойчивыми институтами частной собственности);
- 3) толкование терпимости не как отношений между группами, а как государственной политики, являющейся произвольно даруемой привилегией, а не правом [17, с. 13].

Хотя Россия и записала в своей конституции все основные права и свободы человека, обеспечивающие толерантность, и создала институты, призванные добиваться их соблюдения, соответствующий им образ жизни, несмотря на его пропаганду по каналам средств массовой информации, так и не прижился на российской почве. Конечно, есть попытки имитировать его – как почти такой же с виду, но исключительно собственными средствами и методами, отнюдь не поступаясь традициями российского менталитета.

Однако толерантное демократическое государство не существует без толерантных граждан, тем более что именно народ – конечный источник его власти и суверенитета [18, с. 179]. Любые нормативно-правовые акты о толерантности без поддержки народа останутся лишь декларациями. Практическая реализация провозглашенных в Конституции РФ норм, обеспечивающих толерантность, зависит от правовой культуры граждан. Во-первых, граждане должны знать свои права и свободы. Во-вторых, они должны уметь применять их на практике. В-третьих, умение пользоваться конституционными нормами у россиян должно превратиться в навык – умение, ставшее привычкой.

Степень толерантности/интолерантности человека во многом определяется его социальной идентичностью. Социальная идентичность – это переживание и осознание своей принадлежности к тем или иным социальным группам и общностям. Благодаря процессу идентификации с определенными социальными общностями человек превращается из биологической особи в социального индивида и личность [19].

Выступая наряду с общечеловеческой и личностной идентичностями, социальная идентичность предстает в качестве когнитивной структуры, соединяющей в себе связи, отношения и оценки, которые устанавливают место индивида в социуме. Знание о социальной идентичности человека позволяет прогнозировать его поведение, так как осознание своей принадлежности к определенной социальной общности влечет за собой принятие значимых в данной группе идеалов, ценностей и норм поведения.

Основными видами социальной идентичности, влияющими на функционирование и развитие многонационального общества, являются этническая, религиозная и гражданская идентичности. В тот или иной момент времени для определенного индивида данные виды социаль-

ной идентичности актуальны по-разному. Наиболее актуальная и значимая для индивида идентичность называется «главной» или «ведущей идентичностью».

Необходимость толерантности в сфере межэтнических отношений обусловлена тем, что здесь существует наличие неразрешимого конфликта, непреодолимого противоречия, заключающегося в том, что человек не может изменить свою этническую принадлежность.

Этническую принадлежность (этничность) получают не по своей воле. Этничность – это прирожденный, унаследованный статус. Она определяется на основе таких объективных критериев как анатомо-физиологические черты, этническая принадлежность родителей и т.д.

В отличие от этнической принадлежности этническая идентичность зависит от самого человека. Она не дана от рождения. Этническая идентичность есть «результат эмоционально-когнитивного процесса сознания этнической принадлежности, отождествление индивидом себя с представителями своего этноса и обособления от других этносов, а также глубоко личностно значимое переживание своей этнической принадлежности» [20].

В зависимости от отношения человека к своему и другим этносам принято выделять следующие типы этнической идентичности:

1. Этнонигилизм – отрицание собственных этнокультурных ценностей, ощущение этнической неполноценности, ущемленности, стыда за представителей своего этноса, негативизм по отношению к ним, трудности общения с ними.

2. Этническая индифферентность – равнодушие к проблемам межнациональных отношений и этническим проблемам в целом.

3. Позитивная этническая идентичность – позитивное отношение не только к своему народу, но и к другим народам, уважение инокультурных ценностей, готовность иметь деловые отношения с представителями любой национальности.

4. Этноэгоизм – выраженное предпочтение своего народа, ожидание неприятностей со стороны других народов, напряженность и раздражение в общении с представителями иноэтнических групп.

5. Изоляционизм (ксенофобия) – убежденность в превосходстве своего народа, признание «очищения» национальной культуры, признание за своим народом права решать свои проблемы за счет других.

6. Национальный фанатизм – убежденность в необходимости «этнических чисток», отказ в праве пользования ресурсами, социальными привилегиями народам, признание приоритета прав нации над правами человека [21, с. 16-37].

Когда мы говорим, что индивид этнически толерантен, то предполагаем, что у него сформировалась позитивная этническая идентичность. Человек, обладающий таким типом этнической идентичности, доброжелательно относится к людям иной национальности, положительно к межнациональным бракам, не идеализирует собственный этнос, а признает в людях, прежде всего, личные качества. Конечно, если человек этнически индифферентен, то он тоже может вести себя терпимо по отношению к представителям различных этносов. Однако это квазитерпимость, так как для этнически индифферентного субъекта чужд всякий интерес к своему и другим этносам. Для такого субъекта не существует ни этничности, ни этноса, ни этнических проблем, а, следовательно, и этнической толерантности.

Наиболее важными компонентами этнической толерантности, основанной на позитивной этнической идентичности, являются:

- знание истории культуры своего этноса, его традиций;
- знание национальной культуры этноса, с которым осуществляется процесс общения;
- знание роли своей национальной культуры и роли культуры этноса-партнера в мировой культуре;
- знание особенностей национальной культуры как выражения национальной психологии;
- знание языков, как своего родного, так и языка межнационального общения;
- эмпатия, означающая знание психологических особенностей этноса, способности к сопереживанию, умение поставить себя на место другого» [22, с. 70].

При этом этническая толерантность не предполагает абсолютную терпимость по отношению к любым действиям представителей другого этноса. Она не тождественна пассивному терпению и всепрощению. Как и любой другой вид толерантности, она есть «признание легитимности законных и не расходящихся с моралью интересов другого» [23, с. 10].

Противоположностью этнической толерантности является этническая нетерпимость, интолерантность. В основе этнической интолерантности лежит восприятие представителей чужих этнических групп в качестве «неблагоприятного фактора». Подобное восприятие, в свою очередь, детерминирует соответствующую реакцию на данный фактор. Ее диапазон достаточно широк – от легкого дискомфорта и раздражения, никак не проявляющихся на практике, до различных форм дискриминирующего поведения [24, с. 15].

Таким образом, этническая интолерантность проявляется на двух уровнях: когнитивном и поведенческом. В первом случае она находит выражение в виде «негативного» отношения к представителям другого этноса. Во втором – в отрицательном девиантном, делинквентном или криминальном поведении [25].

Иногда интолерантность является «необходимым» и даже, в некотором роде, «позитивным» социальным явлением. Речь идет о так называемой «конвенциональной интолерантности» [26]. Конвенциональная интолерантность – это нетерпимость, необходимая членам данного социума для поддержания общественного порядка. Сюда, в частности, входят допустимые законом меры самообороны, а также определенные способы принуждения, делегированные членами данного общества представителям правоохранительных органов.

В основе «неконвенциональной» этнической интолерантности лежат:

- воинственный этноцентризм, при котором «люди не только судят о чужих ценностях, исходя из собственных, но и навязывают их другим»;
- отрицательные, неточные гетеростереотипы, то есть совокупность негативных, неверных оценочных суждений о других этнических общностях;
- этнические предубеждения, выступающие как тенденция негативно реагировать на членов определенной этнической группы;
- национальные предрассудки, представляющие собой «неадекватные и искажающие действительность установки, вырабатываемые этнической общностью по отношению к другим группам» [27, с. 57].

Необходимо также отметить, что этническую толерантность, равно как и этническую интолерантность, можно рассматривать в двух аспектах: во-первых, в рамках отношений принимающего населения и этнических мигрантов; во-вторых, абстрагируясь от процессов перемещения населения, в ракурсе взаимоотношений между членами этнически неоднородного социума, постоянно проживающими на определенной территории.

Одной из существенных проблем практической реализации толерантных отношений вообще и этнической толерантности в частности является отсутствие между людьми согласия в том, кто является субъектом толерантных отношений индивид или группа.

Если в качестве субъекта толерантных отношений мы признаем человеческую личность, то мы склоняемся к либеральному пониманию толерантности. В противном случае, признавая более ценным общество, государство или некую социальную общность, объединенную по этническому, религиозному, политическому или какому-нибудь другому признаку, мы являемся сторонниками нелиберальной толерантности.

Существует три типа требований толерантного отношения:

- 1) требование невмешательства, право на частную жизнь, которую никто не имеет право контролировать;
- 2) требования равноправия и равного доступа к общественным ресурсам и общественному пространству;
- 3) требование специальных прав для своей группы по отношению к членам своей группы – ради сохранения идентичности этой группы (например, возможность не давать своим детям образования вне рамок общины или исключать из группы).

Для либералов первые два требования обычно рассматриваются как должное, тогда как третье – не всегда приемлемо; в то время как для «не-либералов» особенно важны первое и третье, обеспечивающие автономию группы [28, с. 15].

Следует отметить, что нелиберальная толерантность в России формально невозможна. Лишь либеральная модель толерантности вписывается в рамки российского нормативно-правового пространства. Это обусловлено тем, что в Российской Федерации человек, его права и свободы являются высшей ценностью. В любых ситуациях права и свободы личности не могут приноситься в жертву интересам отдельных властных структур, а также каких-либо социальных групп. Автономия той или иной социальной группы допустима лишь до тех пор, пока она не нарушает права и свободы индивида. Это, естественно, не означает, что допустима вседозволенность, безответственность поведения личности в обществе. Соблюдение закона, уважение прав и свобод других лиц – одна из основных конституционных обязанностей каждого гражданина России.

С точки зрения российской Конституции тот или иной индивид, прежде всего, является человеком и гражданином, а уж потом представителем какой-либо социальной группы, объединенной по этническому, религиозному, политическому или какому-нибудь другому признаку.

Уполномоченный по правам человека России Владимир Лукин, размышляя о соотношении гражданской и этнической идентичностей, пришел к следующему выводу: «До тех пор пока мы не научимся воспринимать себя в первую очередь как граждан Российской Федерации, а только потом уже идентифицировать себя по национальному признаку, естественное право народов, населяющих любое государство, – сохранение своей идентичности – будет вступать в противоречие с интересами государственной целостности, будет сохраняться угроза распада российского государства» [29, с. 8].

Отсутствие должного контроля со стороны государства за уровнем этнической толерантности общества, а также краткосрочных, среднесрочных и долгосрочных социальных программ, направленных на формирование культуры этнической толерантности населения увеличивает вероятность возникновения конфликтов в сфере межэтнических отношений. Культура этнической толерантности, как известно, не является врожденным свойством индивида. Она представляет собой совокупность знаний, умений, навыков и ценностных ориентаций, формирующихся в процессе социализации. Конечно, формирование культуры этнической толерантности может происходить и стихийно. Однако попустительство в этой сфере увеличивает вероятность возникновения этнических конфликтов.

Межэтнические отношения пронизывают все сферы общественной жизни – политику, трудовую деятельность, быт, семейные отношения, неформальное общение и т.д. От их характера, который может быть дружественным, нейтральным или конфликтным, во многом зависят эффективность функционирования и потенциал развития всего социума. Вследствие вышесказанного, любое государство, если оно заинтересовано в социальной стабильности, должно всячески способствовать повышению этнической толерантности своих граждан.

Для развития этнической толерантности в современном российском обществе, на наш взгляд, государственным и муниципальным органам власти необходимо предпринять следующие меры:

1. Контролировать такие показатели, как: уровень правонарушений на «национальной почве», количество межнациональных браков, количество национальных формальных и неформальных организаций и их членов.

2. Проводить опросы населения, посвященные изучению национальных проблем и этнической толерантности. При этом изучение межэтнических отношений следует вести в двух направлениях: во-первых, в рамках отношений принимающего населения и мигрантов; во-вторых, в ракурсе взаимоотношений между постоянными жителями России.

3. Способствовать тому, чтобы в федеральных и региональных средствах массовой информации появлялось больше «позитивной» информации о представителях разнообразных этнических групп. В случаях, когда сообщается об аморальных или противоправных действиях

каких-либо лиц, представителям СМИ следует рекомендовать не делать акцент на национальной принадлежности нарушителя. В противном случае, у зрителей могут сформироваться негативные этнические стереотипы и предрассудки. Внимание СМИ должно быть сосредоточено на «позитивных» последствиях межэтнической дружбы, преимуществах соседства с представителями различных этнических групп, благополучных многонациональных семьях и успешных полиэтнических трудовых коллективах.

4. Повышать правовую и нравственную культуру россиян и мигрантов. И те и другие должны не только знать свои права, свободы и обязанности, но и уметь правильно реализовать их на практике. Для повышения нравственной культуры может быть задействован потенциал традиционных религий России (Православного христианства, Ислама, Буддизма и Иудаизма). Однако здесь следует действовать крайне осторожно, поскольку крайняя религиозность приводит к догматизму и фанатизму. Воспитание же в духе терпимости, согласно Декларации терпимости ЮНЕСКО, «должно способствовать формированию ... навыков независимого мышления, критического осмысления и выработки суждений, основанных на моральных ценностях» [3].

5. Способствовать формированию у жителей РФ следующей иерархии идентичностей: человек (главная идентичность), гражданин России, другие виды идентичности. Основой общечеловеческой идентичности должна стать «Всеобщая декларация прав человека» – документ, явившийся результатом осознания народами мира себя в качестве представителей единого человеческого рода.

6. Организовать на базе образовательных учреждений проведение тренингов этнической толерантности для молодежи, государственных и муниципальных служащих, сотрудников правоохранительных органов, работников СМИ и т.д. с привлечением отечественных и зарубежных специалистов по толерантности.

7. Оказывать равную поддержку, как национальным общественным объединениям, так и организациям, созданным для реализации наднациональных интересов.

Библиографический список

1. Сковорцов, Л. В. Толерантность: иллюзия или средство спасения? / Л. В. Сковорцов // Октябрь. – 1997. – № 3. – С. 138-155.
2. Уолцер, М. О терпимости / Перевод с англ. яз. И. Мюрнберг. – М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. – 160 с.
3. Декларация принципов терпимости ЮНЕСКО. URL:<http://www.un.org/russian/documen/declarat/toleranc.htm>.
4. Розанов, В. В. Сочинения. – Т. 1. – М., 1990. – 588 с.
5. Соловьев, В. С. Сочинения в 2 т. – Т. 1. – М., 1988. – 894 с.
6. Бердяев, Н. А. Философия свободного духа / Н. А. Бердяев. – М., 1994. – 480 с.
7. Франк, С. Л. Духовные основы общества / С. Л. Франк. – М., 1992. – 512 с.
8. Словарь по этике / под ред. И. С. Кона. – 4-е изд. – М.: Политиздат, 1981. – 430 с.
9. Соколов, В. М. Толерантность: состояние и тенденции / В. М. Соколов // Социс. – 2003. – № 8. – С. 54-63.
10. Советский энциклопедический словарь / Научно-редакционный совет: А. М. Прохоров (пред.), М. С. Гиляров, Е. М. Жуков и др. – М.: «Советская Энциклопедия», 1980. – 1600 с.
11. Ильинская, С. Г. Толерантность как принцип политического действия: история, теория, практика / С. Г. Ильинская. – М.: Праксис, 2007. – 288 с.
12. Соловьева, Н. В. Толерантность в научной дискуссии: лингвостилистический аспект (на материале текстов научных дискуссий 1950-2000-х гг.) / Н. В. Соловьева: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.01. – Екатеринбург, 2008. – 241 с.
13. В советское время В. Жямайтис предлагал использовать для обозначения данного вида терпимости слово «толеранция». Однако в отечественном общественном сознании этот термин не прижился. См.: Жямайтис В. К вопросу о сущности толеранции // Мораль, традиции, воспитание. – Уфа: Изд-во БГУ, 1987. – С. 105-107.

-
14. Преамбула Устава Организации Объединенных Наций. URL:<http://www.un.org/ru/documents/charter/preamble.shtml>.
 15. Декларация принципов терпимости ЮНЕСКО от 16.11.1995 г. URL:http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/toleranc.shtml.
 16. Конституция РФ. URL:<http://www.constitution.ru>.
 17. Ильинская, С. Г. Толерантность как принцип политического действия: история, теория, практика / С. Г. Ильинская. – М.: Праксис, 2007. – 288 с.
 18. Гречко, П. К. О границах толерантности / П. К. Гречко // Свободная мысль – XXI. – 2005. – № 10. – С. 173-182.
 19. Социальная идентичность. URL: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/psihologiya_i_pedagogika/IDENTICHNOST.html.
 20. Социологический словарь. URL: <http://slovari.yandex.ru/dict/sociology/article/soc/soc-0390.htm>.
 21. Дробижина, Л. М. Национализм, этническое самосознание и конфликты в трансформирующемся обществе: подходы к изучению / Л. М. Дробижина // Национальное самосознание и национализм в РФ начала 90-х гг. – М., 1994. – С. 16-37.
 22. Рождественская, Е. Л. Этническая идентичность и воспитание межнациональной толерантности / Е. Л. Рождественская // Межкультурная коммуникация: к проблеме формирования толерантной языковой личности в системе вузовского и школьного лингвистического образования: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Часть 2. – Уфа, 2001. – С. 67-70.
 23. Федотова, Н. Н. Толерантность как мировоззренческая и инструментальная ценность / Н. Н. Федотова // Философские науки, 2004. – № 4. – С. 5-27.
 24. Психодиагностика толерантности личности / Под редакцией Г. У. Солдатовой, Л. А. Шайгеровой. – М.: Смысл, 2008. – 172 с.
 25. О соотношении девиантного, делинквентного и криминального поведения см.: Кравченко А. И. Социология: Учебник. – ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004. – С. 238.
 26. См. об этом: Бардиер Г. Л. Толерантность как социальное представление и этическая норма // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. – 2005. – № 4. – С. 117.
 27. Формирование толерантной личности в полиэтнической образовательной среде. Учебное пособие / В. Н. Гуров, Б. З. Вульф, В. Н. Галяпина и др. – М., 2004. – 240 с.
 28. Меньшиков, А. С. Философские основания теории толерантности в трактате Николая Кузанского «О религиозном мире» / А. С. Меньшиков: Автореф. ... канд. филос. наук. – Екатеринбург, 2006. – 22 с.
 29. Лукин, В. П. Толерантность, многонациональность, демократия / В. П. Лукин // Толерантность как фактор устойчивого развития современной цивилизации: материалы Международной конференции омбудсменов. – Казань, 2005. – С. 8-10.

Статья поступила в редакцию 12.12.2011.

МИЧУРИН Александр Владимирович – аспирант, младший научный сотрудник отдела этнологии ГНУ «Институт гуманитарных исследований» Академии наук Республики Башкортостан.

ИСТОРИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 374

М. В. Демчишин

ИСТОРИКО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ТЕОРИИ ВНЕШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

В данной статье рассматриваются историко-педагогические условия и процесс становления теории внешкольного образования России, предопределившие развитие современной теории социально-культурной деятельности.

Ключевые слова: образование, внешкольное, социально-культурная деятельность, воспитание, народное образование, просвещение.

Рассматривая механизм становления и последующего развития внешкольного образования в аспекте, к примеру, историко-педагогических условий, исследователи наверняка столкнутся с неопределенностью понимания системы внешкольного образования не просто как исторического момента, который имел место, а как элемента целостной научной теории социально-культурной деятельности, становление которой происходит еще с конца XIX века и по настоящее время.

Одной из причин тому является тот факт, что социально-культурная деятельность именно как научная теория в настоящее время еще мало исследована, в частности, в историческом аспекте. В связи с этим, многие исследователи культурологических, общепедагогических, социологических наук довольно скептически относятся к специальности социально-культурной деятельности как к теории, имеющей научный статус. Это связано, к примеру, с восприятием социально-культурной деятельности именно только как деятельности, не имеющей под собой научного базиса. Или, что более вероятно, с неверным пониманием и незнанием ее истории, причем истории интересной и поистине искренне трогательной, способной заразить любого исследователя, небезразличного к истории народного образования и просвещения России.

Любая наука не есть нечто, так сказать, неизменное, а представляет собой целостное развивающееся формообразование, которое к тому же имеет свое прошлое, настоящее и будущее. Зародившись в конце XIX века как концепт, научная теория социально-культурной деятельности была представлена следующей структурой: внешкольное образование → политико-просветительная работа → клубное дело → культурно-просветительная работа → культурно-досуговая деятельность → социально-культурная деятельность.

Достаточно убедительно обосновал существование социально-культурной деятельности именно как научной теории, с подробным анализом ее истории и методологии, теории, которая, как и многие классические науки, имеет преемственный, кумулятивный характер, подчиняется

общим законам развития науки, профессор Ярошенко Н. Н. в своей работе «История и методология теории социально-культурной деятельности» [5], основываясь на классическом философском определении науки как особой целенаправленной деятельности по производству новых надежно обоснованных знаний.

Мы лишь коснемся вопроса именно *существования теории внешкольной работы и условий, в которых протекал процесс ее становления*, причем теории, настолько сильно и масштабно занявшей широкую общественность, которую поставили в один ряд с таким классическим и прочно утвердившимся направлением как школьное образование.

Итак, появление науки обуславливается различными внешними и внутренними обстоятельствами, к примеру, социальными, экономическими. В свою очередь, существование теории обосновывается общими закономерностями развития соответствующей науки, которые изучает отдельное научное направление – науковедение, включающее смежные с собой дисциплины, такие как гносеология науки, философия науки, история науки и др.

Таким образом, опираясь на общепринятые закономерности развития науки, выделим одни из наиболее существенных историко-педагогических условий становления теории внешкольного образования в России, предопределивших развитие современной теории социально-культурной деятельности:

1. Наличие теоретической базы, концепции, обобщающей идеи. Внешкольное образование в этом не является исключением. Еще в XIX веке профессор В. И. Чарнолуцкий организационно-педагогический принцип широкого участия общественности в решении вопросов образования характеризовал как общественно-благотворительный тип частной инициативы. На современном этапе этот период уже рассматривается как концепция (парадигма) в рамках периодизации теории социально-культурной деятельности Н. Н. Ярошенко. В свою очередь, периоды как достаточно продолжительные временные отрезки подразделяются на этапы, «каждый из которых характеризуется реализацией некоторых принципиально важных исследовательских задач». В частности, поисковый этап развития теории «решал задачу формирования исходных парадигмальных и методологических идей, послуживших основой для дальнейшего научного исследования процессов социокультурной педагогики» [5, с. 118].

2. Наличие профессиональных сообществ, основной целью которых является получение, распространение и применение научного знания. Этими сообществами в рассматриваемый период являются формы внешкольного образования, которые в результате деятельности по реализации государственной политики, изменения ценностных установок претерпевали разного рода трансформации, но при любом положении дел главной их целью было накопление, дифференцирование и распространение знаний в области народной педагогики.

3. Проведение таких мероприятий как конференции, семинары, съезды. В нашей стране еще до революции проходило достаточное количество съездов, семинаров, совещаний по организации педагогической работы, на которых обсуждались и практические вопросы внешкольной педагогики. В частности, В. И. Чарнолуцкий в своем «Сборнике постановлений и резолюций...» собрал постановления и резолюции 61 съезда по вопросам народного образования, причем с подробным сводным алфавитным указателем содержания [3].

4. Связь теории с практикой. Она прослеживается, прежде всего, в деятельности по организации просветительной работы населения, где теоретическим аспектом были работы Е. Н. Медынского, В. И. Чарнолуцкого, С. О. Серополко, специально посвященные методологии внешкольного образования. Е. Н. Медынский на Первом съезде по внешкольному образованию отметил: «И теоретическая разработка вопроса, и практическая работа в этой области находятся в такой стадии, что необходимо говорить о построении теории внешкольного образования, как системы» [2, с. 103].

5. Становление, развитие и функционирование управленческого аппарата в рамках существования теории. Ярким примером этого является деятельность правительства как главного координирующего центра по организации, прежде всего, политико-просветительной работы среди населения. Заметим, что в данной статье мы не останавливаемся на оценке ее результатов, а только отмечаем сам факт существования таких учреждений, как Наркомат просвеще-

ния, Министерство народного просвещения и его внешкольный подотдел, Государственный комитет по народному образованию и др.

6. Преемственность и кумулятивный характер развития науки. В развитии любой науки под преемственностью научного знания понимают их тесное взаимодействие, что возможно благодаря выделению из утвердившейся системы знаний (в результате ее дифференциации) самостоятельных научных дисциплин. История дает достаточное количество примеров, когда уже утвердившиеся науки как самостоятельные все же воздействия на себя со стороны других наук не избежали. В аналогичной ситуации оказалась и социально-культурная деятельность. «Она сама является результатом генезиса научного знания, пытающегося осмыслить процессы культурного бытия человека, педагогического обеспечения вхождения человека в культуру как субъекта творчества, обеспечивающего полное самовыражение, самораскрытие личности в ее наилучших способностях и дарованиях» [5, с. 18]. Смена теоретических установок (внешкольное образование → политико-просветительная работа → клубное дело → культурно-просветительная работа → культурно-досуговая деятельность → социально-культурная деятельность) также является примером преемственности в системе «технологических средств и методик» и кумулятивности, так как именно за счет смены теоретических установок теория социально-культурной деятельности приобретает богатый опыт познания процессов приобщения человека к культуре. Отдельно нами отмечается тот факт, что сама теория социально-культурной деятельности имеет еще одну особенность, выражающуюся в «понимании генезиса педагогической теории не как непрерывного кумулятивного процесса, в котором постоянно происходит накопление научного знания, а как подвижного процесса, характеризующегося периодами становления, расцвета и угасания тех или иных педагогических парадигм» [4, с. 3].

7. Наличие институтов для публикаций. На всем пути становления и развития отечественной теории внешкольного образования становилась и крепла теоретическая и методическая основа, которая к 1915 году уже была представлена различной литературой по внешкольной педагогике, включающей в себя статьи, научные монографии, методические указания. Хорошим примером являются два издания «Систематического указателя книг и статей по внешкольному образованию» Е. Медынского и И. Лапшова, включивший 384 названия книг [1], а также большое число статей и периодики. Из периодических изданий в России печатались журналы «Внешкольное образование» (1913 г.), «Внешкольное просвещение» (1914 г.), а также различные статьи, посвященные вопросам внешкольного образования, в общепедагогической периодике.

Кроме приведенных выше общенаучных условий, связанных с развитием самой науки, для теории внешкольного образования могут быть определены и конкретно-исторические условия, связанные, например, с развитием социальных отношений, экономики, педагогической деятельности и др.

По утверждению классика К. Поппера, «наука начинается не с наблюдения, а с проблемы». Это одинаково относится и к теории внешкольного образования, появление которой также обусловлено потребностями социального, экономического характера, такими как:

– «отсталость» русского народа в плане образования (наличие к моменту революции 50% неграмотных);

– развитие внешкольного образования как «существеннейшего средства борьбы за массу»;

– отождествление передовыми странами Европы и Америки важного социального значения школьного образования и образования взрослого населения, где одним из путей достижения этой задачи (задачи образования взрослого населения) служило «планомерное обслуживание образовательных потребностей взрослого населения органами общественного управления и создание с этой целью соответствующих общественных образовательных учреждений».

Таким образом, приведенные здесь закономерности развития явились, по нашему мнению, очередным шагом к появлению, существованию и развитию такой мощной, масштабной и жизненно необходимой педагогической теории как теория внешкольного образования, послужившей основой для последующего становления социально-культурной деятельности.

Библиографический список

1. *Медынский, Е. Н., Лапиов, И.* Систематический указатель книг и статей по внешкольному образованию. – М.: Наука, 1916; *Медынский, Е. Н., Лапиов, И.* Систематический указатель книг и статей по внешкольному образованию. – 2-е изд. – М.: Наука, 1917.

2. Первый Всероссийский съезд по внешкольному образованию, 6 – 19 мая 1919 г.: Документы и материалы в двух книгах. Книга вторая, Ч. II. – М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 1993.

3. *Чарнолуский, В. И.* Съезды по народному образованию: Сборник постановлений и резолюций всероссийских и областных съездов по вопросам народного образования (школьного, внешкольного и дошкольного) с подробным сводным алфавитным указателем содержания (включены постановления 61 съезда). – Пг.: Тип. журн. «Вестник народного образования», 1915.

4. *Ярошенко, Н. Н.* Становлении теории внешкольного образования (конец XIX века – первая треть XX века): Хрестоматия. – М.: Моск. гос. ун-т культуры и искусств, Ряз. заоч. ин-т (фил.), 2000.

5. *Ярошенко, Н. Н.* История и методология теории социально-культурной деятельности: Учебник. – М.: МГУКИ, 2007.

Статья поступила в редакцию 07.11.2011.

ДЕМЧИШИН Михаил Владимирович – аспирант Орловского государственного института искусств и культуры.

НОВЫЕ ПОДХОДЫ В ОБРАЗОВАНИИ

УДК 378

Н. И. Мицкевич

РАЗВИТИЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ БИПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ УЧИТЕЛЯ

В статье предпринят анализ феномена «бипрофессиональной подготовки учителя» в контексте модернизации системы высшего профессионального образования на примере анализа белорусской практики. Уточнены дефиниции терминов структурно-функционального ряда: «педагогическая грамотность», «антиципационные качества», «квалификация», «дискретность образования», «детерминанты целей образовательной ступени». Автором раскрыта методология подготовки студента по второй специальности как субъекта самообразования, профессионального роста, творческого развития.

Ключевые слова: *бипрофессиональная подготовка, учитель, педагогическая грамотность, антиципационные качества, квалификация, дискретность образования, детерминанты целей образовательной ступени.*

Целью современной системы педагогического образования является формирование учителя, которого характеризуют: высокая гражданская активность и социальная ответственность как за дела страны, так и за судьбы детей; любовь к детям, потребность и способность отдать им свое сердце, осуществлять педагогическое сотрудничество с родителями, коллегами, видеть в формировании личности растущего человека главный смысл своей жизни; умение видеть каждого ребенка, помогать ему стать личностью; способность не «искоренять» недостатки и пороки», а, опираясь на положительное в личности, определяют стратегию и тактику ее развития; подлинная интеллигентность, духовная культура, желание и умение работать вместе с другими; стремление становится живым примером для детей; способность найти верное применение своим силам и способностям в коллективном педагогическом творчестве; умение подняться выше мелочных обид, амбиций и пристрастий; умение создать благоприятный психологический климат в коллективе; инновационный современный стиль научно-педагогического мышления, готовность к принятию самостоятельных решений; стремление быть творцом; непрерывный поиск нестандартных подходов к постоянно развивающейся личности; владение индивидуальным стилем педагогической деятельности; готовность к постоянному самообразованию; стремление непрерывно обновлять знания, постоянно самосовершенствоваться; физическое и психическое здоровье, профессиональная работоспособность.

В научных исследованиях (В. П. Бездухов, В. Г. Онушкин, Н. П. Пищулин, Е. А. Соколовская и др.), установлено, что в своей профессиональной деятельности учителя ориентируются на следующие направления теоретических знаний: психология личности и педагогическая психология; этика педагогического взаимодействия; педагогика. Опытные педагоги утверждают, что они часто не имеют возможностей применить свой багаж теоретических знаний в практике преподавания конкретных предметов из-за ограниченности количества времени, отведенного на данный предмет.

Своеобразное расширение образовательного пространства и времени происходит в том случае, если педагог преподает в одном и том же классе несколько родственных предметов. Заметим, что интеграционные процессы, происходящие в сознании учителя при изложении учебного материала близких наук, способствуют формированию *антиципационных качеств*: готовности на основании прошлого социального опыта моделировать ход и прогнозировать результат предстоящих действий или событий. Эти процессы всегда целостны, холистичны, и они не могут возникать, если в сознании человека не созданы целостные новообразования. Специализация по родственным дисциплинам как раз и способствует удержанию в памяти целостных знаний, как в отдельных мыслительных процессах, так и в общем уровне профессиональной компетентности.

При односторонней профессиональной подготовке очень часто исходят из только критерия полезности, глубины познания, не думая о том, добро или зло получает тот специалист, который не имеет широты профессионального кругозора. Для дальнейшего рассмотрения данного тезиса остановимся на анализе такого феномена как «педагогическая грамотность»

Педагогическая грамотность как целостный феномен состоит из следующих основных компонентов: а) социально-психологической готовности к работе с другими людьми на основании их социального статуса и уровня мотивации на получение новых знаний и приобретение нового опыта; б) психологической компетентности, включающей в себя понимание особенностей психической структуры учебно-познавательной деятельности в соответствии с потребностями и запросами конкретной группы обучающихся; в) дидактической готовности, базирующейся на умениях выбрать содержание, методы и формы образовательно-воспитательной деятельности, адекватной целям и задачам субъектов педагогического процесса.

Наряду с рассмотрением феномена «педагогическая грамотность» рассмотрим сущность понятия «квалификация» с той целью, чтоб доказать правомерность присвоения двух специальностей выпускникам ряда факультетов вузов. Квалификация – мера освоения профессии или специальности, характеризующаяся степенью готовности ее носителя к выполнению задач определенного уровня сложности. В силу того, что этот термин сопряжен с готовностью к деятельности по успешному разрешению проблем и достижению намеченных целей и задач, то мы утверждаем, что он близок по значению к компетентности и грамотности. Квалификация специалиста ранжируется в зависимости от готовности выполнять обязанности определенной степени сложности.

Возникает вопрос о том, при каких условиях можно присваивать вторую (дополнительную) специальность выпускнику педагогического вуза? Главное здесь – определить следующее: профессиональные задачи какой степени сложности может решать данный специалист? Так как два первых компонента педагогической грамотности каждым выпускником педагогического вуза должны решаться на уровне требований Государственных стандартов к педагогической деятельности, то возникает необходимость рассмотреть третий компонент: дидактическую готовность и главный в ней – овладение содержанием образования, входящим в понятие профессиональная компетентность специалиста, т. е. личностное качество выпускника вуза выполнять специализированную деятельность в системе разделения труда, существующего в системе образования.

В исследованиях профессора В. П. Зинченко отмечается, что содержание мыслительной деятельности не имеет предметных границ: разум формирует такой образ мира, при котором нет жестких границ между предметными областями. Мышление человека в процессе повседневной жизни и профессиональной деятельности опирается на связи научных знаний с соци-

альными требованиями и культурными традициями, объединяет знания и чувства. Содержание образования не может быть построено только на предметной основе: необходимо «включить» всю структуру сознания, содержать «живое знание» (В. П. Зинченко), которое должно быть так построено, чтобы в нём воедино слились смысл деятельности и её значение.

Под содержанием образовательного процесса будем понимать основную дидактическую характеристику, практическая реализация которой позволит достичь его главной социальной цели. Состав содержания – совокупность достижений в различных сферах жизнедеятельности человека, которую необходимо сделать достоянием лиц, включённых в образовательный процесс. К числу его основных составляющих относятся: а) опыт эффективной практической деятельности; б) познавательный опыт – методы и результаты постижения тонкостей закономерностей развития конкретной науки и их соответствие окружающей действительности; в) опыт социального взаимодействия в процессе достижения общих целей; г) нравственно-этический опыт, отражённый в морали, праве, иных нормах человеческого общежития; д) духовно культурный опыт – образно-эмоциональное восприятие жизни, эстетическое отношение к её проявлению.

Одновременно с перечисленными требованиями мы считаем необходимым выделить эклектичность содержания обучения. Сущность данного требования состоит, с одной стороны, в том, что в конкретном учреждении образования может быть разработано несколько образовательных программ для каждой категории обучающихся; с другой, – каждая программа не может быть сведена к строго очерченным «учебным предметам». Мы вместе с тем не предлагаем толковать данный подход как фрагментарность, лоскутность, беспринципное сочетание различных несовместимых подходов.

Наш вариант состоит в следующем: сочетание обучения с конкретной деятельностью предполагает, что содержание образования отвечает такому требованию как «дискретность»: образовательные программы всегда соответствуют современному состоянию науки и конкретному уровню обученности учащихся.

Развитие общества выдвигает новые требования к позиции человека в нём: каждый человек должен уметь сочетать в себе конкретного прагматика (человека-исполнителя), транслятора «готовых» мыслей и человека-реформатора, способного взглянуть на окружающую действительность с позиции «стороннего», сомневающегося, ищущего. Это предполагает, что обучение как процесс познания связано с прогностичностью развития различных сфер жизнедеятельности. Нам близка позиция Л. Н. Лесохиной, которая считает необходимым в содержании образования осуществлять полифункциональный подход, способствующий определению позиции человека в «вечных вопросах Бытия».

Основными принципами формирования образовательных программ являются: целенаправленность, доступность (учёт возможностей освоить учебный материал); индивидуализация; соединение общего и специализированного образования; участие заинтересованных сторон, в том числе обучаемых, в инициировании, обсуждении и принятии решений, касающихся содержания образовательных программ и его корректировки.

Дальнейшее развитие образовательных программ связано с их обновлением, ориентированным на повышение социальной эффективности, т.е. достижение более высоких результатов, соответствующих требованиям времени. Обновление, как непрерывный процесс, должно иметь содержательную связь с другими программами и соответствовать общей линии развития конкретной профессиональной деятельности. Гарантом успешности процесса обновления служит учёт последних достижений в различных областях теоретической мысли и реального практического опыта по их превращению в достижение каждого конкретного обучающегося. Общим для процессов разработки и обновления образовательных программ является сохранение личностно-ориентированной образовательной стратегии.

Наши исследования особенностей формирования образовательных программ подготовки педагогов позволяют сделать вывод о том, что их содержание должно соответствовать следующим требованиям: а) направленности на обеспечение возможности каждому обучающемуся занимать гражданскую и профессиональную позицию в современном обществе; б) ком-

плекности, предполагающей сочетание гуманитарно-образовательных, социальных, психологических, педагогических, экономических, управленческих, правовых и общекультурных направлений; в) интегративности удовлетворения личностных, социальных, профессиональных и духовных потребностей; г) связи обучения с практической деятельностью (практико-ориентированное); д) дифференциации в зависимости от вида обучения, типа и формы обучения, уровня обученности. Особое внимание обратим на глобальные проблемы современности и специфику их отражения в содержании образования каждой образовательной системы.

Анализ новейших достижений в различных областях знаний даёт нам основание утверждать, что оптимальный вариант интеграции содержания образования имеет следующую структуру: в каждом разделе образовательной программы рассматриваются методологические понятия мировоззренческого плана, составляется их тезаурус, обеспечивающий личности целостное восприятие глобальных проблем; специалист как субъект обучения активно участвует в разработке специальной серии «учебных задач», соотнесённых с проблемами, требующими интеграции всех структур социального опыта.

Весь процесс интеграции содержания обучения имеет следующие детерминанты: детерминант целей образовательной ступени; детерминант связи науки и практики; детерминант организационных форм: детерминант самооценки и рефлексии.

Для того чтобы дидактическая готовность выпускника вуза по второй специальности была адекватной требованиям его профессиональной деятельности, необходимо наличие дополнительной подготовки, которая является логическим продолжением структурного содержания двух первых компонентов педагогической грамотности: вторая специальность должна быть обязательно той же отрасли фундаментальной науки или очень близкой, имеющей одинаковые направления.

Исходя из той посылки, что практическая деятельность человека всегда междисциплинарная, можно рассматривать такие варианты сочетания специальностей, которые соответствуют диадам «Человек-Человек», «Человек-образ», «Человек-знаковая система», «Человек-машина» и другие, находящиеся в родственных сферах.

Применительно к педагогическому образованию можно заметить, что родственными являются те специальности, которые по своей сути содержат необходимость решать задачи обучения или воспитания детей одного или близкого возраста: должен быть специалист в сфере социализации личности школьника в обществе, скажем педагог-воспитатель; должен быть педагог дошкольного образовательного учреждения, способный решать как комплексные задачи обучения и воспитания дошкольников, так и частные задачи, содержащие необходимость обучать и воспитывать средствами родного и иностранного языков, изобразительного искусства, музыки, танца, спорта, природы, мульти-медийного оборудования.

Принципиально важно то, что такая специальность как «психология» должна быть первой и самостоятельной специальностью, но может быть в рамках специальности «психолог» специализация для дошкольного возраста, для младшего школьного возраста, подростковый психолог, семейный психолог-консультант, психолог для молодежной среды: вполне правомерно ставить вопрос о такой специальности как педагогический психолог. Данное замечание мы сделали для того, чтобы больше не касаться проблемы сдвоенной специальности для тех лиц, которые получают первую специальность по психологии: у них должна существовать широкая палитра специализаций.

Особую структуру представляет собой подготовка специалистов для начальной школы: более чем полувековой опыт существования в вузах педагогических факультетов и многовековой опыт педагогических гимназий, педагогических училищ и колледжей свидетельствует о том, что самым влиятельным для человека, очень часто на всю жизнь, становится учитель начальной школы: его помнят через всю жизнь, перед ним мысленно держит ответ каждый человек. Практика начального образования традиционно содержит в себе многопрофильную деятельность по полипредметному обучению детей. Особую сложность для Республики Беларусь представляют две проблемы: а) мелкоселье и б) наполненность школ учителями начальных классов, имеющих среднее специальное образование. Каждая из этих проблем имеет системо-

образующий характер: мелкоселье требует наличия таких учителей, которые бы умели одновременно вести обучение детей в двух, а то и в одном классе-комплекте. Отсюда возникает необходимость создания таких объединений как начальная школа-сад. Значит должны быть такие специалисты, которые могли бы осуществлять на профессиональном уровне воспитание и обучение как дошкольников, так и младших школьников. Причем как отдельно, в группах и классах, так и в комплексных разновозрастных объединениях. Представляется перспективным такое объединение факультетов вуза, которое будет выпускать специалиста с квалификацией «Педагог детства».

Наличие такой специальности никак не ликвидирует, доказавшее свою жизнеспособность, обучение студентов по отдельной специальности «Преподаватель начального образования» и «воспитатель дошкольного учреждения». Считаю, что это является оптимальным для подготовки таких специалистов для крупных школ и детских внешкольных учреждений.

Придерживаясь позиции подготовки педагога для одного или двух возрастных групп, замечу, что вторые специальности для выпускников факультетов начального образования должны предусматривать возможности работы в базовой школе. Так как в этих школах заканчивается изучение систематического курса изобразительного искусства, музыкального искусства и почти завершается изучение родного и русского языков, а так же тот факт, что студенты начфаков изучают методики преподавания этих предметов, целесообразно давать им вторые специальности по этим направлениям: преподаватель белорусского языка и литературы, преподаватель русского языка и литературы, преподаватель музыкального искусства, преподаватель изобразительного искусства, преподаватель обслуживающего труда.

Особое место в начальной школе уже занимает иностранный язык. Известно, что младший школьный возраст сензитивен для усвоения лексических структур и освоения мультимедийных средств. Более того, все большее развитие получают компьютерные клубы, в большинстве которых на сегодняшний день работают лица, не имеющие педагогического образования. Появилась явная необходимость получения выпускниками факультетов начального образования второй специальности «Преподаватель информатики» и «Преподаватель иностранного языка».

Хочу заметить следующее: для подготовки студентов факультета начального образования по второй специальности могут существовать три организационных подхода: 1) набор студентов на первый курс осуществлять сразу на сдвоенную специальность и вести обучение по различным учебным планам; 2) набор на первый курс осуществлять по направлению «Педагог детства», а разделение на вторые специальности и специализации осуществлять после второго или третьего курса и соответствующего присвоения академической степени «бакалавр» (вполне допустимо первичное трудоустройство и поступление на вторую ступень высшего образования; 3) выпускников педагогических средних специальных учебных заведений после первичной аттестации на Государственном экзамене, трехлетний срок обучения, принимать на вторую ступень высшего образования в университет. Они получили специальность «Педагог детства» и могут быть трудоустроены.

Бипрофессиональная подготовка учителя имеет несколько инвариантных характеристик, так как каждое звено системы высшего образования имеет свойство сохранять все особенности общего. Рассмотрим общее на примере дидактических характеристик, выделив их инвариантные особенности. Понятие инвариант (фр. Invariant – не изменяющийся) будем применять с позиции установления независимости дидактических характеристик от специфики образовательного процесса.

Современная образовательная парадигма в центре всей системы непрерывного образования рассматривает человека. Человеческий фактор понимается как непосредственное взаимодействие интеллектуальных возможностей субъекта с объективным развитием движущих сил прогресса. Отсюда делаем вывод о том, что разностороннее и гармоничное развитие личности как цель является дидактическим инвариантом профессиональной подготовки учителя по сдвоенной специальности. Проблема заключается в том, чтобы обосновать специфику целей как дидактических характеристик (объективное) на различных этапах развития личностных сил

человека (субъективное) в образовательном процессе независимо от того по основной или дополнительной специальности ведется подготовка, т.к. учебная деятельность всегда обращена «в завтрашний день» (Л. С. Выготский). Следовательно, профессиональную подготовку учителя надо строить не только с учетом сложившихся психических функций обучающегося, но главным образом, с перспективой их развития при учёте того фактора, что сельская школа Республики Беларусь – малокомплектная и лишь по некоторым специальностям возможна полная учебная нагрузка учителя по одному учебному предмету.

Развитие самостоятельности человека в процессе учебной деятельности – весьма противоречивый процесс. Во-первых, он характеризуется переходом от подражания к творчеству. Во-вторых, этот переход теснейшим образом связан не только с качеством предыдущего социального опыта, но и с тем, какое количество знаний, способов действий и освоение особых способов самоконтроля и самооценки было накоплено. В-третьих, чем большим опытом самостоятельной деятельности обладает индивид, тем продуктивнее будет его воображение, свободнее и результативнее самостоятельный поиск. Отмеченные особенности дают основание считать, что процесс обучения при профессиональной подготовке по сдвоенной специальности ориентирован на сочетание различных видов и уровней познавательной деятельности: репродуктивный, частично-поисковый, творческий, исследовательский. Сочетание различных видов и их предпочтение определяется конкретными целями. Причем сам процесс выбора деятельности, с одной стороны, не может быть сформирована, пока человек не поставлен перед необходимостью проявлять ее; с другой, – пока у человека не сформирована познавательная самостоятельность, предоставление ему свободы действий не может быть педагогически эффективным. Разрешением этого противоречия является целесообразное соотношение названных видов деятельности с динамической системой педагогического управления. При обучении на старших курсах ВУЗа мотивационно-потребностная сторона деятельности наиболее продуктивно будет развиваться при наличии гуманных отношений, складывающихся в личностном общении с преподавателями и организуемое им профессиональное общение студентов между собой. При этом содержание профессиональной деятельности является средством общения. В этом случае и происходит взаимообогащение индивидов, развитие их социального опыта как источника творческих идей. Это возможно осуществить только тогда, когда у студентов есть мотивация на приобретение дополнительной специальности. Это, чаще всего, происходит на старших курсах вузовского образования.

Дидактическим инвариантом, способствующим развитию сущностных сил студента, обучающегося по двум специальностям, является такая организация образовательного процесса, которая способствует применению метода «восхождения» от абстрактного к конкретному. Сохранение образования по родственной специальности, построенное дедуктивным способом, усилит роль теории, приобщит студента к анализу явлений социальной действительности с принципиальных позиций.

Дедуктивный подход к организации и осуществлению образования на старших курсах дает возможность «делать» данную систему непрерывного образования динамичной, гибкой, способствующей, с одной стороны, ее стабильности, устойчивости, активности, с другой – возможности варьирования, адаптации к изменениям, связанным с общественными потребностями и условиями. Данные посыпки позволяют сделать вывод о том, что дидактическим инвариантом педагогического образования по двум специальностям является преемственность между образовательными подсистемами, которыми являются соответствующие ступени. В педагогическом образовании «новое» всегда базируется на «старом», оперативно переводит его на более высокий уровень. Рассматривая преемственность как универсальную философскую категорию, обращаем внимание на то, что ее применение в педагогическом образовании на старших курсах часто связано с конструктивным отрицанием.

Процесс профессиональной подготовки учителя имеет все дидактические характеристики, рассматриваемые в русле общей дидактики. Следовательно, «на стыке», когда осуществляется первичное включение студента в эту подсистему, возникают противоречия, которые носят общий характер. Противоречивы цели включения человека в образовательный процесс, требо-

вания студента к содержанию, формам, методам, своему статусу, ролям и функциям. Эти противоречия характерны для любого «перехода», т.к. предшествующая подсистема практически не может готовить к последующей. На «стыке» всегда необходима адаптация.

Рассматривая адаптацию как важнейший компонент преемственности, мы обращаем внимание на то, что вторая специальность, являясь подсистемой непрерывного образования, имеет и свою меру дискретности, как и все иные образовательные ступени. Сам процесс адаптации к новым условиям связан больше с отрицательными эмоциями, чем с положительными. Студенту всегда приходится прилагать усилий при освоении новых функций, иных видов деятельности. При подготовке по второй специальности студент становится подлинным субъектом самообразования, своего профессионального роста и творческого развития.

Анализ адаптационных процессов как противоречивых, осуществляющихся на «стыке», показал, что существуют следующие группы трудностей, которые имеют инвариантный характер: восприятие нового содержания, новых форм процесса обучения, новых позиций различных преподавателей, иной формы научно-профессиональной квалификации; самопроявление способностей, нравственных качеств, интеллектуальных и психических сторон личности; овладение новыми видами деятельности, необходимыми для этого знаниями, умениями и навыками. Преодоление трудностей, включение в новую образовательную ситуацию дает личности возможность закрепиться в новом статусе, развивать ее познавательные возможности и творческий потенциал.

Статья поступила в редакцию 12.12.2011.

МИЦКЕВИЧ Николай Иванович – доктор педагогических наук, профессор кафедры социальной работы и социального права Российского государственного социального университета (филиал в г. Минске Республики Беларусь).

УДК: 796.034-056.2

И. Ф. Межман

ИЗМЕНЕНИЯ ПОКАЗАТЕЛЕЙ АДАПТАЦИОННЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ СТУДЕНТОВ В СИТУАЦИЯХ ЭКЗАМЕНАЦИОННЫХ И СОРЕВНОВАТЕЛЬНЫХ СТРЕССОВ

Основная задача данной работы состоит в разработке эффективных показателей оценки уровня физического состояния по результатам сдачи контрольных нормативов.

Ключевые слова: *уровень физического состояния (УФС), физическая подготовленность, физической развитие.*

Любое стрессорное воздействие вызывает напряжение механизмов адаптации, которое может привести к срыву или развитию патологических процессов. Таким стрессовым фактором для студентов является экзаменационная сессия. Студенты, регулярно занимающиеся в группах спортивного совершенствования, кроме того, подвержены воздействию соревновательных стрессов.

Задача исследования состояла в изучении физиологических и психологических проявлений адаптационных возможностей студентов в ситуации экзаменационного и соревновательного стрессов.

В исследовании участвовали 30 студентов-мужчин, занимающихся в подготовительном отделении по элективному курсу атлетической гимнастики, и 35 студентов-мужчин отделения спортивного совершенствования, специализирующиеся по волейболу. Испытуемых подготовительного отделения обследовали перед сдачей экзаменов, а студентов спортсменов перед соревнованиями. Предполагалось, что данные ситуации схожим образом моделируют воздействие стрессовых факторов.

В качестве физиологических проявлений адаптационных возможностей рассматривали артериальное давление (АД), частоту сердечных сокращений (ЧСС) и показатели тремора. К психологическим проявлениям относили характеристики эмоциональной сферы (уровень тревожности по тесту Спилбергера, выраженность трех базальных эмоций – «радости», «страха» и «гнева» по опроснику Ольшанниковой и особенности эмоционального состояния по модифицированному тесту Люшера), точность воспроизведения временного интервала (10 секунд).

Учитывая важность эмоциональной составляющей реакции на стресс, при анализе полученного экспериментального материала распределение испытуемых на группы проводили по характеру изменений выраженности базальных эмоций в ситуации стресс по сравнению с состоянием относительного покоя. В зависимости от того, каким образом менялась выраженность вышеназванных эмоций, обследованные испытуемые обоих отделений были распределены на группы: с возрастанием-убыванием выраженности «радости», с возрастанием-убыванием выраженности «страха» и «гнева», поэтому студенты каждого из отделений были разделены на две группы: I – с возрастанием эмоций страха и гнева в стрессовой ситуации; II – со снижением выраженности указанных эмоций в ответ на стресс. Средние значения некоторых физиологических показателей для выделенных групп представлены в таблице.

Из таблицы видно, что в подготовительном отделении у I группы (с увеличением выраженности эмоций «страха» и «гнева» в ответ на стрессовую ситуацию) уже в состоянии относительного покоя отмечаются более высокие значения АД (138/69 мм рт.ст), ЧСС (81,7 уд/мин). Кроме того, у них выше личностная (38,7 балла) и реактивная (36,7) тревожность. В ситуации

экзаменационного стресса у данных студентов значимо увеличивается только уровень реактивной тревожности (до 46 баллов).

Таблица

Средние значения АД и ЧСС студентов разных групп

	Студенты подготовительного отделения				Студенты отделения спортивного совершенствования			
	I		II		I		II	
	A	B	A	B	A	B	A	B
АД, мм рт.ст	138/69	138/68	120/67	124/72	119/69	135/74	114/67	128/79
ЧСС, уд/мин	81,7	81,6	76,8	86,8	75,5	84	79,5	82

Примечание: А – исследование в состоянии относительного покоя, Б – исследование в стрессовой ситуации.

Во II группе (со снижением «страха» и «гнева») студентов подготовительного отделения в состоянии относительного покоя АД, ЧСС, уровень личностной (36,7 балла) и реактивной (31,7 балла) тревожности ниже. В ответ на экзаменационный стресс у испытуемых данной группы значительно возрастают ЧСС и уровень реактивной тревожности (до 39 баллов).

В спортивном отделении в состоянии покоя средние значения АД и пульса у I и II Групп не различаются. Отмечается разница уровней личностной тревожности: в I Группе она составляет 42,6 балла, а во II – 37,1. При спортивном стрессе (в предстартовом состоянии) и в той, и в другой группах значительно повышается АД.

Таким образом, материалы проведенного исследования свидетельствуют о том, что соревновательный стресс в большей степени негативно сказался на показателях адаптационных возможностей студентов, чем экзаменационный. Это необходимо принимать во внимание при оптимизации соотношения учебной и спортивной деятельности для обеспечения здоровья студентов. Кроме того, важен учет особенностей реагирования на стресс характеристик эмоциональной сферы конкретного индивидуума.

Статья поступила в редакцию 08.12.2011.

МЕЖМАН Игорь Францевич – кандидат биологических наук, заведующий кафедрой физического воспитания ГОУ ВПО «Поволжский Государственный университет телекоммуникаций и информатики».

УДК 37.01

М. А. Мустафина

ФОРМИРОВАНИЕ МОТИВАЦИИ УЧЕНИКА И УЧИТЕЛЯ

В статье рассматриваются вопросы формирования мотивации ученика и учителя.

Ключевые слова: *мотивация, личность, саморазвитие, самопознание, самореализация.*

Творческая активность является движущей силой развития, и поскольку человек – самоорганизующая система, творческая активность выступает организующей субстанцией в структуре личности. Развитие творческих способностей позволяет реализовать природнозаложенную активность и сохранить активность психологической системы человека, то есть представляет ему возможности для самовыдвижения.

Учение и образование для субъекта – это не просто один из видов деятельности. Это этап, сфера, образ жизни, характеризующиеся специфической организацией отношений и взаимодействий с окружающими. Образование должно складываться на основе совместной деятельности ребенка со взрослым. Проблема создания ситуации развития выступает на данный момент как стержневая. Рассмотрение образовательного процесса как непрерывного процесса взаимодействия, по меньшей мере, двух субъектов: преподавателя и учащегося – с необходимостью задает исследование реальной связи и взаимовлияния мотивации обоих участников процесса. Мотивация познавательной деятельности предполагает осознание смысла обучения посредством открытия новых источников активности ученика – саморазвитие, самопознание, самореализация. Но для полноценного мотивационного обеспечения деятельности учения совершенно недостаточно актуализации и активизации одной лишь познавательной потребности человека. Интерес к познанию возбуждается через создание мотива, а затем – через открытие возможности нахождения цели. Первым психологическим требованием к организации учебно-воспитательного процесса является формирование у учащихся нужной мотивации.

«Мотивация» представляет более широкое понятие, чем «мотив». Мотивацию можно определить как совокупность причин психологического характера, объясняющих поведение человека, его направленность и активность. Это поиск ответов на вопросы типа «почему?», «зачем?», «для какой цели?», «ради чего?». Обнаружение и описание причин устойчивых изменений поведения и есть ответ на вопрос о мотивации содержащих его поступков. Наиболее важным условием действенности учебного процесса является мотивация ребенка на учение, без которой прекрасно сконструированная образовательная среда и продуманная организация деятельности в этой среде не имеет никакого смысла. Даже если ученик присутствует в этой среде, но без положительной мотивации на учение, все воздействие среды будут внутренне им отвергаться. Поэтому самым важным является умение сформировать положительную мотивацию ребенка на учение. А это достигается через организацию различных форм социального сотрудничества в группе, классном коллективе и индивидуально с учителем.

Любая форма поведения может быть объяснена как внешними, так и внутренними причинами. В первом случае говорят о стимулах, исходящих из сложившейся ситуации, во втором – о мотивах, потребностях, целях, намерениях, желаниях, интересах. Практически любое поведение человека двоякодетерминированное: внешние факторы влияют на внутреннее состояние и наоборот, то есть мотивация – это циклический процесс непрерывного взаимодействия и преобразования, в котором субъект действия и ситуация взаимно влияют друг на друга и результатом этого является реально наблюдаемое поведение. В этом случае разумное воспитательное воздействие учителя будет понятно и принято учеником, окажется действенным и эффективным.

Существуют два пути формирования у учащихся нужной мотивации. Первый путь «снизу вверх», состоит в создании условий к формированию нужной мотивации. Учитель, опираясь на уже имеющиеся у учащихся потребности вызывает положительные эмоции удовлетворения и радости, достаточно долго тем самым формирует новый стойкий мотив к указанной деятельности. Например, организует самостоятельную работу так, чтобы гарантировать полный успех каждого ученика в этом деле. Дает заведомо легкие задачи для учащихся, это повторяется до тех пор, пока ученики не обретут полную уверенность в своих возможностях в решении этих задач. Затем учитель заявляет, что теперь он даст им решать сложные задачи, но в самом деле он опять дает достаточно легкие, посильные для каждого ученика задачи. У учащегося крепнет удовлетворенность от решения задач, и они просят дать им решать какие-то другие задачи. Вот тогда учитель начинает увеличивать трудность задач и в конечном счете у учащихся таким образом удается сформировать стойкую положительную мотивацию к решению задач. Таким способом можно сформировать у учащихся стойкую мотивацию к любой деятельности.

Другой путь заключается в усвоении учащимся предъявляемых ему в «форме» побуждений, целей, идеалов содержания направленности личности, которые по замыслу учителя или руководителя должны у него сформироваться и которые сам ученик должен постепенно превратить из внешне понимаемых во внутренние принятые и реально действующие. Это и есть механизм формирования мотивации «сверху вниз». Этот путь связан с методами убеждения, разъяснения, внушения, информирования, примера. Особую роль здесь играет коллектив и среда, в которой живет и действует ученик или учитель, те взгляды, убеждения, традиции, которые приняты в этой среде, т.е. дух школы, ее микроклимат, ориентированный на успех.

Формирование мотивации требует от учителя или руководителя настойчивости, терпения и подлинной заинтересованности в самой учебно-воспитательной деятельности. Исследования показали, что лишь тот учитель, который проявляет глубокий интерес к содержанию излагаемых им знаний, к процессу обучения и воспитания, может добиться формирования у учащихся стойкой положительной мотивации к учению и воспитанию. Учитель же равнодушный к содержанию и процессу обучения, добиться положительной мотивации к учебному предмету, к учению не сумеет, даже если он превосходно знает свой предмет и имеет хорошие профессионально-педагогические навыки. Равнодушие не менее заразительно, чем увлеченность.

Педагоги часто ломают голову, где начало нисходящего движения. Одни утверждают, что все начинается с плохих результатов ученика, другие приписывают корни беды его самопониманию. Бывает, что причина таится в так называемом исполнении собственных прогнозов, происхождение которых весьма разнообразно. Что же это такое? Например, ученик, не понимая какую-то часть объяснений учителя, очень скоро может прийти к обобщающему выводу, что он неспособен выучить или вообще понять данный предмет. Он считает, что у него нет надлежащих задатков и соответствующих способностей, что он никогда в этой области не достигнет хороших результатов. Он заявляет, что у него «нет памяти на языки», или «нет писательских способностей» и т.д. Не поняв объяснения одного – двух параграфов, он сводит на нет занятия данным предметом. Старшеклассника, да и младшего школьника иногда охватывает чувство страха, что все остальные ребята в классе все понимают и значительно обогнали его. Он впадает во «внутреннюю панику», но скрывает свое состояние и в школе и дома. Эти предположения так или иначе скажутся в его поведении (робость, вялость, замкнутость и т.д.). И тогда окружающие в соответствии с его поведением построят и свое отношение к нему. Так постепенно складывается его поведение в школе и дома (враждебность, злоба, подстрекательство), что усиливает и укрепляет обратную негативную реакцию окружающих (учеников, учителей, родителей). Состояние здоровья ухудшается. Помимо этого существует еще один аспект комфортности ребенка в обучении. Это соответствие темпа учебной деятельности, предлагаемой учителем, собственному темпу деятельности ребенка.

В обычном классе из 30-ти учеников в среднем у 20-22-х достаточно развиты визуальные, аудиальные и кинестетические способности. 2-3 ученика, испытывающие трудности обучения по причинам, не связанным с особенностями восприятия (трудности дома), остальные 4-6 учащихся, так называемые «трансляторы». Опыт работы и изучение таких «детей риска»

показал, что большинство из «отсева» составляют кинестетики. Предпочитая одну модальность, они очень слабы в других. Любая информация, идущая через их нервную систему, должна предварительно транслироваться в ведущую единственную модальность памяти и понимания. Когда информация совпадает с их ведущей модальностью, они справляются прекрасно с работой и у них появляется интерес к этой части урока. Когда учитель переключается на другую модальность (этап урока), ученик вынужден трансформировать информацию обратно в свою модальность. В это время ученик не слышит учителя. В результате у ученика появляется серия пробелов в информации, что выявляется при повторении и на контрольных работах, тестах.

Например ученик-кинестетик легко выполняет практическую часть лабораторной работы, но он теряет, когда читает об этом в учебнике. А ученик-визуал затрудняется в лабораторном эксперименте. Ученик-аудиал прекрасно работает, когда на уроке используется фонетический подход. Когда мы учим используя видение, слышание, прикосновение, класс в целом получает информацию по одному или нескольким каналам восприятия. Чем более учитель осознает свой стиль обучения, тем глубже понимает качество и уровень своей эффективности в работе с учеником. Зная точности преподавания или руководства, можно правильно заметить, какие ученики из класса испытывают затруднения, и сделать соответствующие поправки.

В психолого-педагогической литературе в последнее время большое внимание уделяется процессуальным сторонам принятия ребенком цели и конкретным условиям, при которых он принимает задачу и одновременно формам и методам стимулирования его сознательности и самостоятельности общественной задачи.

Большинство психологов придерживаются мнения, что ребенок только в том случае будет принимать общественную задачу, если она актуализирует его потребности; связывается с системой значимых для него как личности мотивов. Не случайно цель и мотив рекомендуется в возрасте 7-8 лет вводить через игру, предметно-практическую и групповую деятельность. В начальной школе для повышения интереса к учебе используется игра. Учиться играя – очень легко для малышей. Каждого учителя очень волнуют слабые дети. Комментированное управление обеспечивает доступность выполнения задания каждым учеником класса. Учить детей мыслить вслух, обретать в себе уверенность, не стесняться, если что-то не так, научить трудиться каждого ребенка на уроке – все это ведет к тому, что ребята учатся легко и с удовольствием.

Из психологических работ и реальной практики видно, что детям самим еще трудно увидеть ценность общественных задач, понять истинный смысл ее решения. Подобную роль «оценщика», как правило, выполняет педагог.

Для управления образовательным процессом необходима информация индивидуальных особенностей учащихся. Такая информация помогает определить в классе или группе технологию работ с данным ученическим коллективом. Не существует «правильных путей» развития личности, школы, как и любой другой организации. Личность воспитывается личностью, и очень важно педагогическое взаимодействие, а это всегда взаимодействие диалогическое, творческое, личностное и индивидуальное. Оно обеспечивает не просто передачу некоторого содержания (оформленного в виде знаний, умений, навыков, привычек, способов действий) от учителя учащимся, но и их совместный личностный рост.

Статья поступила в редакцию 30.11.2011.

МУСТАФИНА Майгуль Адильбековна – кандидат педагогических наук, преподаватель кафедры языков Университета международного бизнеса (UIB) (Республика Казахстан).

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

УДК 937. 07

Н. И. Соловьянов

КУЛЬТЫ РИМСКОЙ АРМИИ НА ПОСТЭЛЛИНИСТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ИМПЕРИИ В I-III ВВ.

В статье выявляются культы солдат и офицеров римской армии, служивших в восточной части Римской империи. В данном регионе воины почитали лишь официальные римские божества, имеющие отношения к императорам, государству, армии, погребальному культу, а также наиболее чтимых восточных богов.

Ключевые слова: религия и культы римской армии.

Общеизвестно, что величие такой мировой средиземноморской державы как Римская империя держалось на двух столпах – религиозности жителей и профессиональной армии. Поэтому религия римской армии с конца XIX в. привлекала внимание зарубежных и отечественных исследователей

К настоящему времени специально исследованы культы римской армии в Британии (Н. И. Соловьянов) [8, с. 44-47], Западных провинциях (Н. И. Соловьянов) [17, с. 43-53], Африке (Н. И. Соловьянов) [9, с. 54-63], Риме (Х. Ренель, Н. И. Соловьянов) [18. 10, с. 116-119], дунайско-балканском регионе (Н. И. Соловьянов, С. М. Рубцов, А. В. Колобов) [11, с. 45-62; 4, с. 84-95; 2, с. 40-47; 3, с. 57-67].

Исследования показали, что расквартированные в западных провинциях воины почитали лишь официальные римские божества, имеющие отношения к государству, армии и погребальному культу, изредка обращаясь к наиболее чтимым восточным и местным богам [17, с. 43-53].

Среди культов, почитавшихся воинами, наиболее популярны были культы живых и умерших императоров и членов их семей. Образы царствующих особ и их священные атрибуты сопровождали воинов повсюду: в походах, в бою, во время триумфов и в лагере. Для отправления культов воины объединялись в коллегии почитателей Августов, избирали жрецов-августалов. За здравие, благополучие и согласие божественных императоров и членов их семей приносились жертвы, ваялись памятники и строились храмы самым могущественным римским, греческим и восточным богам. Широкая популярность культа императоров среди гражданского населения и воинов, определялась официальным характером этого аспекта религиозной жизни Империи. Воздаяние почестей живым и умершим императорам служило актом проявления лояльности населения по отношению к правящей династии и Римской империи в целом [5, с. 49-59].

На втором месте были культы старших богов римского пантеона: Юпитера, Юноны, Минервы, Нептуна, Марса, Вулкана, Меркурия, Дианы и Аполлона. Они почитались как боги-покровители Отечества, императоров, военные и заздравные божества в различных сочетаниях с греческими, восточными и местными богами.

За старшими следовали культы младших богов римского пантеона, такие как Янус, Сатурн, Солнце, Рома, Луна, Океан, Либер, Плутон, Сильван, нимфы, Фортуна, Салюта, Фатум, Фелицитата, Виктория, Немезида, Мир, богиня Удачи и Счастливого исхода (Bonus Eventus), Добрая Богиня (Bona Dea), Гении, Лары и Маны. Эти божества в надписях воинов представлены в качестве богов-воителей и заздравных божеств [16, 280 с.].

Помимо отправления культов, высшие должностные лица армии из патрицианских родов выполняли обязанности жрецов этих богов [15, с. 47-51].

Греческие боги почитались воинами лишь в романизированных вариантах, в сочетании с божествами высшего римского пантеона, а чаще их наименования применялись воинами как эквиваленты римских богов в грекоязычных надписях. В votivных памятниках воинов представлены в различных ипостасях Зевс и Гера, Аполлон, Артемида, Посейдон, Геракл, Дионис, Асклепий, Гигия, Телесфор [6, с. 67-68].

Проникновение восточных культов в части римского гарнизона также обуславливалось несколькими факторами: во-первых, религиозной политикой императорского дома, тем, что наиболее чтимые и могущественные из восточных богов были тесно связаны с почитанием императоров; во-вторых, присутствием в частях выходцев с востока и, наконец, влиянием местного населения восточных провинций. Эпиграфические свидетельства позволяют включить в состав пантеона армии Митру, Бога Бессмертного, Юпитера Долихенского, Юпитера Гелиополистанского, Сабазия, Кибелу и Атиса, Изиду и Сераписа [14, с. 255- 259].

Перегринальные божества находились в различных связях с традиционными богами греко-римского пантеона. Особенность этих связей зависела от длительности и, как следствие, степени романизации покоренных римлянами народов.

Так, кельтские божества Кампестер, Эпона, Матери Сулеви были органично включены в состав римского пантеона и почитались совместно с богами римского пантеона.

Придунайско-балканские территории были менее романизированы. Поэтому фракийские божества почитались либо в синкретичных связях с высшими римскими богами, либо в эллинизированных или чисто фракийских вариантах воинами-фракийцами.

Германские боги присутствуют в votivных язвааниях винов лишь в качестве эпиклес высших римских небожителей, наиболее часто – Юпитера Наилучшего Высочайшего [12, с. 75-81].

Следует отметить, что воины, отправляя культы богов, не входивших в официальный римский пантеон, никогда не являлись их жрецами, даже если и входили в состав их культовых коллегий. Это можно сказать и о восточных божествах, и о почитании местных перегринальных культов.

Культы армии в Восточных провинциях, исследованию которых посвящена эта статья, до сих пор никем не изучались.

Данная публикация аналогов в мировой историографии не имеет.

Первостепенное значение для решения поставленных задач имеют эпиграфические памятники: *посвятительные, строительные, надгробные надписи и votivные рельефы воинов.*

Из всех изданий избранных надписей наиболее удобно в работе и стоит на высоком научном уровне издание Германа Дессо (сокращенно ILS). Оно состоит из трех томов (пять книг сравнительно небольшого размера) и включает 9522 важнейшие надписи, которые сгруппированы не по географическому принципу, а по содержанию и хронологии. Текст каждой надписи сопровождается подробными комментариями, в которых в большинстве случаев не только указывается время, место находки и хранения надписи, но и дается расшифровка наиболее сложных сокращений. Именно из издания Г. Дессо нами взяты эпиграфические памятники.

Этот регион включал в себя территории бывших эллинистических государств, возникших после распада державы А. Македонского, завоёванных Римом во II-I вв. до н. э. и был самым

развитым в культурно-историческом плане. Он включал в себя бывшие западные регионы Персидской державы Ахеменидов, державы Александра Македонского, его диадохов и их потомков: Греко-Македонское царство, владения Селевкидской Сирии и Птолемеевского Египта.

Здесь в I-III вв. постоянно базировались легионы III Скифский, V Македонский, III Галльский, VI Железный, X Fretensis, XII Молниеносный, III Киренайский, XXII Dejotariana, XVI Флавиев, XV Аполинарийский, II Траянов, I и III Парфянские [13, с. 38-40], V Галльский, а также приданные им вспомогательные части: ala Arriana, ala Augusta, cohors I Aeliae Britannorum, ala II Ulpiana, ala I Valeria dromedariorum cohors I Lepidiana civium Romanorum, ala Vocontiorum, cohors III Ituraeorum, ala Augusta Germanicanae, vexillationes equitatus Dolmatorum и флотилии [1, № 2237, 2238, 2524, 2535, 2541, 2590, 2610, 2611, 2708, 2792, 2824].

В плане памятников религиозного значения, свидетельствующих о сакральных представлениях воинов дело обстоит так.

Имеются три посвящения императорам династии Антонинов – Северов [1, № 2304, 2543, 2615], надгробная плита с упоминанием жреца культа императора [1, № 2824], посвящение богине Победы Виктории [1, № 2524], упоминание сигнифера (знаменосца) в надгробии воина вспомогательных войск [1, № 2521], и шесть надгробий с обращением к Богам подземного царства Маннам [1, № 2327, 2345, 2368, 2590, 2775, 2792].

В надписи из амфитеатра г. Пола некий Луций Менарий Прикс родом из трибы Волтина, военный трибун, является фламинем (жрецом-предсказателем) коллегии почитателей божественного Августа [1, № 5755].

Секст Тициазен Эллиан, командир третьей когорты Астурийцев, ставший впоследствии трибуном легиона II Италийского, являлся понтификом (верховным жрецом), фламинем Виктории и Счастья Цезарей, а также входил в коллегию почитателей божественного Августа (Октавиана) [1, № 6631]. Квинт Деций Сатурнин, военный трибун, был младшим понтификом богини Ромы, священным трубачом римского народа и префектом (предводителем) коллегии почитателей императоров Тиберия, Друза и Нерона, а также понтификом и фламинем божественного Августа [1, № 6286].

Воин Квинт Инстейн Диадимент [1, № 6329], трибун легиона IV Скифского и Тит Стацилий Максим [1, № 1062] входили в товарищество почитателей Августа. Там же упоминается Публий Плотий Роман, военный трибун, бывший также и жрецом Сатурна [1, № 1135].

Два посвящения Юпитеру Наилучшему Высочайшему Серапису. Оба – за здоровье и победы императора Нервы Траяна. Одно выполнено вексилляцией III легиона Киренайского и изваяно совместно с гражданами римскими. Другое – за здоровье императора Марка Аврелия Антонина от воинов I когорты галлов под наблюдением Марка Сента Буккона, центуриона, и Валерия Семпрониана, бенефициария (помощника) прокуратора Августа [1, № 4393, 4395].

Три надписи выполнены воинами действительной службы Юпитеру Долихенскому. Одно – центурионом Гаем Семпронием Ректом, другое – Аттилием Примом, центурионом XIV Сдвоенного легиона, за себя и своих по обету, третье – Юпитеру Бессмертному Долихенскому, Калисте Бриганте и Салюте сделал центурион VI легиона Гай Юлий Апполинарий, судя по когномену (прозвищу) – грек. Одно посвящение выполнено по обету I Вспомогательным легионом. Также имеется посвящение Юпитеру Долихенскому от ветерана двух Августов Тита Кассия [1, № 9138, 4309, 4302, 4325].

Вотивная надпись из Армении упоминает Луция Ветула Фуриана из трибы Палатина, командира первой когорты легиона I Италийского, являвшегося понтификом и фламинем божественного Нервы [1, № 6659-6660].

Военный трибун Децим Терренций Гентиан был понтификом (верховным жрецом) провинции Македония [1, № 1046, 5274, 6981].

Таким образом, и в данном регионе воины почитали лишь официальные римские божества, имеющие отношения к императорам, государству, армии, погребальному культу, а также наиболее чтимых восточных богов.

Библиографический список

1. Desau H. Inscriptiones Latinae selectae. Berolini. Vol. I–IV. (=ILS)
2. Колобов, А. В. Геркулес и римская армия Ранней Империи: на материале западной части Балкано-Дунайского региона / А. В. Колобов // ПИФК. – Вып. 9. – 2009. – С. 40-47.
3. Колобов, А. В. Римская армия и культы «умирающего и воскресающего бога» (на материале из римских провинций Далмации и Мезии) / А. В. Колобов // ИИАО. – 2001. – С. 57-67.
4. Рубцов, С. М. О культах римской армии в Верхней Мезии во II-III вв. / С. М. Рубцов // Социальная структура и идеология античности и раннего средневековья. – Барнаул, 1989. – С. 84-95.
5. Сериков, Л. Г., Соловьянов, Н. И. Культ императоров в римской армии как средство политической пропаганды римских властей в I-III вв. / Л. Г. Сериков, Н. И. Соловьянов // История мировых цивилизаций: человек во власти и перед лицом власти: материалы межрегиональной научно-практической конференции с международным участием. Красноярск, 15 мая 2009 г. Красноярск, 2009. – С. 49-59.
6. Соловьянов, Н. И. Греческие культы в нижнемезийских частях римской армии в I-III вв. / Н. И. Соловьянов // Тезисы докладов IX Всесоюзной авторско-читательской конференции Вестника древней истории. – М.: АН СССР. Институт всеобщей истории, 1984. – С. 67-68.
7. Соловьянов, Н. И. Культы преторианцев в Риме / Н. И. Соловьянов // Материалы международной конференции, Вторые исторические чтения Томского государственного педагогического университета: посвященной 105-летию ТПГУ. – Томск: ТПГУ, 2008. – С. 144-151.
8. Соловьянов, Н. И. Культы римской армии в Британии / Н. И. Соловьянов // Новый университет. Серия «Актуальные проблемы гуманитарных и общественных наук». – 2011. – № 8 (8). – С. 44-47.
9. Соловьянов, Н. И. О специфике римского военного присутствия и культах римской армии в африканских владениях / Н. И. Соловьянов // Проблемы истории, филологии и культуры. – М.; Новосибирск; Магнитогорск: МаГУ, 2008. – № 22. – С. 54-63.
10. Соловьянов, Н. И. О культах преторианцев в Риме / Н. И. Соловьянов // Вестник Томского государственного университета. – Томск: ТГУ, 2009. – № 317. – С. 116-119.
11. Соловьянов, Н. И. О культах римской армии в Нижней Мезии и Фракии в I-III вв. н. э. / Н. И. Соловьянов // Проблемы идеологии и культуры в раннеклассовых формациях. – М.: МГПИ им. Ленина, 1986. – С. 45-62.
12. Соловьянов, Н. И. О характере отражения культов местных этносов в пантеоне римского гарнизона на верхне-дунайском лимесе и иллиро-далматинском регионе / Н. И. Соловьянов // История мировых цивилизаций: этнонациональные проблемы и пути их решения: материалы межрегиональной научно-практической конференции с международным участием. 29 ноября 2009 г. – Красноярск: КГПУ, 2009. – С. 75–81.
13. Соловьянов, Н. И. Религиозная практика римских воинов в I-III вв. / Н. И. Соловьянов. – Красноярск, 2006. – 144 с.
14. Соловьянов, Н. И. Рецензия на книгу: Тачева-Хитова М. История на източните культове в Долна Мезия и Тракия V в. пр. н. э.-IV в. от н. э. / Н. И. Соловьянов // Советская археология. – № 1. – 1987. – С. 255-259.
15. Соловьянов, Н. И. Римская армия и жречество / Н. И. Соловьянов // VI чтения памяти профессора В. Д. Блаватского: материалы конференции. – М.: РАН. Институт археологии, 1998. – С. 47-51.
16. Соловьянов, Н. И. Римское религиозное сознание и его отражение в пантеоне армии в I-III в. / Н. И. Соловьянов. – Красноярск: КГПУ, 2007. – 280 с.: ил.
17. Соловьянов, Н. И. Сакральные представления римских воинов в западной части Империи / Н. И. Соловьянов // Проблемы истории, филологии и культуры. – М.; Новосибирск; Магнитогорск: МаГУ, 2009. – № 1. – С. 43-53.
18. Renel Ch. Cultes militaires de Rome. Les enseignes. Lyon; Paris, 1903.

Статья поступила в редакцию 07.12.2011.

СОЛОВЬЯНОВ Николай Иванович – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории ГОУ ВПО «Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева».

СВЕЖИЙ ВЗГЛЯД

УДК 930.1

Е. С. Корнев

БОЕВОЕ СОДРУЖЕСТВО СССР И МНР В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В статье рассматривается опыт советско-монгольского сотрудничества в период Второй мировой войны. Уделяется особое внимание анализу продовольственной и материальной помощи, оказывавшейся Монгольской Народной Республикой СССР. Делается вывод о вкладе МНР в победу над гитлеризмом.

Ключевые слова: меморандум Танака, эскадрилья самолетов «Монгольский арат», Великая Отечественная война, советско-монгольские отношения, советско-японские отношения, танковая колонна имени Революционной Монголии.

Серьезным испытанием для советско-монгольских отношений стала Вторая мировая война. Расклад сил и с геополитической, и с экономической точки зрения был неблагоприятным как для СССР, так и для МНР. Советский союз получал на Западе сильнейшего противника в лице фашистской Германии, перестроившей свою экономику на военный лад и покорившей почти все европейские страны. На востоке советским границам угрожала агрессивная Япония, которая в условиях стягивания основных сил СССР на борьбу с вермахтом могла перейти от разовых приграничных провокаций к крупномасштабному военному вторжению. Безусловно, что при таком развитии событий незавидная участь постигла бы и МНР, которая согласно меморандуму Танака находилась в сфере японских геополитических интересов. Осознавая это, советское и монгольское руководство, сразу же после событий на Халхин-Голе, приняло ряд мер по укреплению своей обороноспособности. СССР, несмотря на необходимость собственной подготовки к войне, продолжал оказывать серьезную военную и экономическую помощь МНР. Кроме того велось успешное наступление на Японию и на дипломатическом фронте. Всего за два месяца до начала Великой Отечественной войны 13 апреля 1941 г. СССР заключил с Японией пакт о нейтралитете. [1] В тот же день была подписана декларация, согласно которой японское правительство обещало уважать территориальную целостность и неприкосновенность МНР. [5] Несомненно, это был большой успех советской дипломатии. Однако, если на востоке СССР смог предотвратить начало войны уже в 1941 г., то на западе этого сделать не удалось в силу экспансионистских устремлений гитлеризма. Начавшаяся 22 июня 1941 г. Великая Отечественная война стала серьезным испытанием не только для народов СССР, но и проверкой на прочность советско-монгольских отношений. В тот роковой день Президиум Малого Хурала, Совет Министров МНР и Президиум ЦК МНРП опубликовали постановление, в кото-

ром заявили о своей готовности оказать СССР всю необходимую помощь в борьбе с фашизмом. [5] Монгольское руководство осознало, что в случае серьезных успехов гитлеровцев, может активизироваться Япония, которая первым делом попытается захватить МНР. Исходя из этого, 17 января 1942 г. была принята резолюция XXV сессии Малого Хурала МНР, которая не только подчеркивала необходимость укрепления обороны страны, но и предписывала Правительству провести работу по сбору средств среди аратов, рабочих и служащих на танковую колону имени Революционной Монголии, с целью передачи ее Красной Армии Советского Союза. [5] Буквально через год, 12 января 1943 г., эта колона была передана монгольской делегацией, которую возглавлял премьер-министр Х. Чойболсан, 112-й танковой бригаде Красной армии. Было принято решение о постановке бойцов, командиров и политработников 112-й танковой бригады на вещевое и продовольственное довольствие за счет МНР. [4] Эта бригада принимала активное участие в боях на Курской дуге, в Львовско-Сандомирской операции, а в 1945 г. ее танки в числе первых ворвались в Берлин. [3]

На этом помощь МНР Советскому Союзу не закончилась. XXVI сессия Малого Хурала МНР приняла решение организовать сбор средств по всей республике на приобретение эскадрильи самолетов «Монгольский арат» и преподнести ее Красной армии в качестве подарка. [5] Беспрецедентными по своим масштабам стали поставки продовольствия, вещей, лошадей, осуществлявшиеся не только правительством, но и простыми аратами в форме подарков. За четыре года войны СССР получил 485 тыс. лошадей, араты подарили 330 тыс. лошадей (монгольских скакунов в подарок получили и прославленные полководцы Г. К. Жуков, И. С. Конев, И. А. Плиев). Вот лишь несколько примеров помощи аратов Красной Армии. Арат Лодон передал 16 лошадей в фонд помощи СССР, заявив при этом: «Я их купил у других аратов, чтобы подбодрить рост и масть, и дарю их героической Красной Армии. Пусть на моих лошадях красные воины-богатыри вихрем налетают на врага и добьют его». [2] Другой арат Чимидийн Дэндэв в 1942 г., передавая Красной Армии 10 лучших коней и 4 кобыл, заявил: «Я буду ежегодно дарить одного лучшего коня в помощь Красной Армии вплоть до того дня когда, фашистов постигнет позорная смерть и полное поражение». [6] Монгольские делегации, постоянно выезжавшие на фронт, доставляли с собой эшелоны подарков с сотнями тонн мяса, десятки тонн колбасных изделий, масла, рыбы, кондитерских изделий, мыла, десятки тысяч шинелей, тысячи пар валенок и сапог. [7] За годы войны материальная помощь трудящихся МНР советскому народу составила почти 60 млн. тугриков. [1]

Победа в Великой Отечественной войне позволила СССР сосредоточить свои силы на борьбе с Японией. Следуя достигнутым договоренностям с США и Англией, Советский Союз объявил ей 9 августа 1945 г. войну, 10 августа это же сделало и монгольское правительство. Как отметил в своей статье в газете «Правда» Генеральный секретарь ЦК МНРП Юмжагийн Цеденбал, который занимался укреплением обороноспособности страны в годы Второй мировой войны: «Одержав всемирно-историческую победу над гитлеровской Германией с ее союзниками в Великой Отечественной войне, в ходе которой Монголия оказывала советскому народу и его армии посильную помощь, СССР, верный своим союзническим обязательствам, вступил в войну против милитаристской Японии. Плечом к плечу с советскими воинами против общего врага, за ликвидацию последнего очага агрессии сражались и бойцы монгольской Народной армии». [8] 19 августа 1945 г. японская армия заявила о возможности собственной капитуляции и 23 августа полностью прекратила сопротивление. 2 сентября 1945 г. Япония подписала акт о безоговорочной капитуляции, так закончилась Вторая мировая война, которая продемонстрировала резистентность советско-монгольских отношений.

Таким образом, стоит отметить, что в годы Второй мировой войны имела место не только дипломатическая, экономическая и военная поддержка Советским Союзом МНР, но и помощь в продовольствии и вещах, направлявшаяся в обратном направлении. Эта помощь оказалась довольно существенной для СССР в его борьбе с гитлеризмом, о чем часто забывают, уделяя первостепенное внимание ленд-лизу.

Библиографический список

1. *Иваненко, В. И.* Годы равные векам: К 60-летию МНР / В. И. Иваненко. – М., 1981.
2. *Иваненко, В. И.* Тропой памяти / В. И. Иваненко. – М., 1968.
3. История советско-монгольских отношений. – М., 1981.
4. *Капица, М. С.* Дружба, завоеванная в борьбе / М. С. Капица, В. И. Иваненко. – М., 1965.
5. Советско-монгольские отношения, 1921-1966. Сборник документов. – М., 1966.
6. Советско-монгольские отношения 1921-1974. Документы и материалы в 2-х томах. – М., 1975.
7. СССР-МНР: сотрудничество и сближение (К 60-летию Монгольской народной революции). – М.; Улан-Батор, 1981.
8. *Цеденбал, Ю.* Избранные статьи и речи. – М., 1983.

Статья поступила в редакцию 30.12.2011.

КОРЕНЕВ Евгений Сергеевич – студент Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского.

Указатель статей за 2011 год

№ 1 (1)

- О ВЕЧНОМ....**
ON THE ETERNAL....
О. Н. Кондратьева. Концепт «грех» в зеркале антропоморфной метафоры (на материале «сокровищницы духовной мудрости»).
O. N. Kondratieva. The concept of «sin» mirrored in the anthropomorphic metaphor (based on the «Treasury of spiritual wisdom»).
- ИСТОРИЯ НАРОДА ЧЕРЕЗ ЯЗЫК**
THE HISTORY OF PEOPLE IN TERMS OF THE LANGUAGE
Н. В. Ситницына. Фразеология в свете антропоцентрической парадигмы.
N. V. Sinitina. Phraseology in the light of anthropocentric paradigm.
- И. М. Фирсова.** Терминология родства русского языка.
I. M. Firsova. Terminology of the Russian language interrelationship.
- Е. Н. Колпачкова.** К типологии аспектуальной системы китайского языка: нейтральный вид или факультативность.
E. N. Kolpachkova. On the typology of the aspectual system of the Chinese language: neutral aspect or optionality.
- К ПРОБЛЕМЕ МОДЕРНИЗАЦИИ**
TO THE ISSUE OF MODERNIZATION
М. А. Пономарева. Истоки либеральной модернизации в современной России.
M. A. Ponomareva. Origins of liberal modernization in contemporary Russia.
- СВЕЖИЙ ВЗГЛЯД**
FRESH VIEW
Л. А. Мамедова. Культура как система.
L. A. Mamedova. Culture as a system.
- А. Е. Игнатьев.** Психологические факторы удовлетворенности браком и их значение в решении проблем демографии.
A. E. Ignatiev. Psychological factors of marriage satisfaction and the role they play in demography problem solving.
- О. А. Власенко.**
O. A. Vlasenko. Проблемы сохранения дольменов и формы их использования в сфере детско-юношеского туризма.
 The problems of dolmen preservation and ways of their use in children-and-youth tourism.
- А. С. Никулина.**
A. S. Nikulina. Саморазвитие личности студента педагогического колледжа.
 Self-development of teacher training college students.

№ 2 (2)

- ЖЕНЩИНА И ВЕЛИКАЯ ВОЙНА**
WOMAN AND THE GREAT WAR
Ф. И. Храмова. Гендерное измерение исторических процессов в Республике Беларусь в годы Великой Отечественной войны (1941-1944 гг.).
F. I. Khramtsova. Gender dimension of historical processes in the republic of Belarus at the time of WWII (1941-1944).
- ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО**
STATE AND SOCIETY
Л. И. Фалюшина. К вопросу о демократизации государственного управления (на примере государственной системы дошкольного образования).
L. I. Falyushina. To the issue of public management democratization (by the example of state system of preschool education).
- Л. И. Старовойтова.** Система социальной защиты в современный период.
L. I. Starovoitova. Contemporary socialsecurity system.
- СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ**
PAGES OF HISTORY
Е. В. Булычева. Участие оргеонов древней Аттики в экономической жизни полиса (по данным договоров об аренде и продаже общественной земли в аттике IV в. до н. э.).
E. V. Bulycheva. Ancient Attic orgeon participation in the economic life of the polis (based on Attic land lease and purchase agreements dated IV B.C.).
- ВОПРОСЫ ФИЛОЛОГИИ**
PHILOLOGY ISSUES
О. Н. Кондратьева, К. В. Пуерова. Концепт «любовь» в метафорическом зеркале (на материале произведений русских сентименталистов).
O. N. Kondratieva, K. V. Puerova. The concept of «love» in metaphorical mirror (based on the writing of Russian sentimentalists).
- Н. Н. Кошкарлова.** Грамматические особенности Послания Президента Федеральному Собранию.
N. N. Koshkarova. Grammar patterns of the President's message to the Federal Assembly.
- И. С. Рогова.** Экстралингвистические характеристики английской нефтегазовой терминологии.
I. S. Rogova. Extra linguistic characteristic features of English oil-and-gas terminology.
- ЧЕЛОВЕК В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ**
A PERSON IN THE MODERN WORLD
Ф. И. Храмова, Л. К. Пахомова. Политическая социализация как междисциплинарный феномен.
F. I. Khramtsova, L. K. Pakhomova. Political socialization as interdisciplinary phenomenon.
- А. А. Ромащенко.** История в эпоху капитализации субъективности.
A. A. Romashchenko. History in the generation of subjectivity capitalization.
- Ф. А. Смирнов.** Эволюция ценностных основ западного мира на примере философии Мартина Хайдеггера.
F. A. Smirnov. Evolution of axiological principles of the western world based on Martin Heidegger philosophy.
- РОЛЬ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ В ФОРМИРОВАНИИ МЕНТАЛИТЕТА**
THE ROLE OF HIGHER EDUCATION INSTITUTION IN MENTALITY DEVELOPMENT
Ю. Л. Травников. Формирование профессионального менталитета у учащихся высших учебных заведений.
Yu. L. Travnikov. Development of tertiary students' professional mentality.
- СВЕЖИЙ ВЗГЛЯД**
FRESH VIEW
А. А. Шингарёва. Формирование ценностных ориентаций в процессе профессиональной социализации личности студента.
A. A. Shingareva. Forming the value system in the process of professional socialization of students' personality.
- Ю. Н. Марочкина.** К вопросу о сущности символа.
Yu. N. Marochkina. To the issue of symbol essence.
- С. Ю. Колесникова.** Учебный процесс в Саратовской семинарии после реформы 1867 года.
S. Yu. Kolesnikova. Academic activity in Saratov seminary after the reform of 1867.

№ 3 (3)

- ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ**
EDUCATION
О. Я. Кравец. Автоматизированные системы управления траекториями обучения и их связь с общими способностями.
O. Ya. Kravets. Automated systems of educational paths management and their dependence on general abilities.
- Е. А. Захарова.** Воспитание у подростков достоинства как духовной красоты средствами музыкального искусства в школе.
E. A. Zakharova. Developing the teenagers' self-respect as a trait of spiritual beauty by means of music at school.
- Е. А. Дебриан.** Историко-культурный потенциал Омской области в реализации процесса инкультурации в социальную среду немецкого этноса.
E. A. Debrayan. Historic and cultural potential of Omsk region in implementing acculturation into German ethnicity social environment.
- ПРИКЛАДНАЯ ПСИХОЛОГИЯ**
APPLIED PSYCHOLOGY
О. В. Белозерова, Н. А. Скорая. Создание среды развития специальных способностей и детской одаренности в образовании.
O. V. Belozerova, N. A. Skoraya. Creating the developing environment for children with specific mental abilities and endowment in education.
- ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ГЛОБАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ**
POLITICAL CHALLENGES IN THE SPHERE OF INTERNATIONAL RELATIONS OF GLOBAL AND REGIONAL DEVELOPMENT
О. А. Хлопов. Энергетическая стратегия и политика Китая на современном этапе.
O. A. Khlopov. Chinese energy strategy and policy at the present stage.
- СВЕЖИЙ ВЗГЛЯД**
FRESH VIEW
В. В. Климова. Имя В. В. Борисовского в музыкальной науке.
V. V. Klimova. Personality of V. V. Borisovskiy in music.
- М. В. Данилина.** Роль Совета Европы в области защиты прав человека.
M. V. Danilina. Council of Europe and its role in human rights defense.
- И. И. Тюрикова.** Либеральный мультикультурализм: современные политические дебаты.
I. I. Tyurikova. Liberal multiculturalism: contemporary political debates.

№ 4 (4)

ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ
ONTOLOGY AND EPISTEMOLOGY
 (авторская серия)
 (author's series)

- С. В. Бочкарёва.** Процесс эмпатического познания как процесс выстраивания диалога в системах «индивид-индивид» и «индивид-культура».
- С. В. Бочкарёва.** Роль механизма эмпатического познания в создании художественного образа (индивид-образ).
- ПРИКЛАДНАЯ ПСИХОЛОГИЯ**
- И. И. Дегтярева.** Влияние семейного климата и общения на эмоциональное самочувствие подростка.
- ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ**
- И. Ф. Межман.** Исследование изменения показателей скорости игровых перемещений баскетболистов при помощи индивидуальной коррекции.
- С. С. Мирошникова.** Становление жизненной позиции будущих педагогов в условиях физкультурно-спортивной деятельности.
- ЧЕЛОВЕК В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ**
- Ф. А. Смирнов.** О трансформации человеческого сознания в эпоху техногенной глобализации.
- ВОПРОСЫ ФИЛОЛОГИИ**
- С. А. Чичиланова.** Диалекты, региолекты и региональный французский язык.
- СВЕЖИЙ ВЗГЛЯД**
- М. С. Эсенбулатова.** Формирование государственного аппарата и оформление права в Древнерусском государстве.
- Ю. В. Черенкова.** Свообразие неантропоморфных гештальтов локуса «Россия» в русской поэзии 70-х годов XX века.
- Д. А. Камалов.** Православная традиция в творчестве композиторов-классиков на примере произведений удмуртских композиторов.
- В. А. Леонтьев.** О психологическом измерении форсайт-проекта «Детство 2030».
- А. Н. Смыкова.** Антропологический подход к изучению скрытого сифилиса и серорезистентности.
- И. А. Черепанова.** Молодежь, впервые находящаяся в поиске работы в городе Киров: проблемы и пути решения.
- И. С. Щербакова.** Подбор и отбор персонала в российских компаниях.
- № 5 (5)**
- ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ**
- И. Д. Столбова, О. Я. Кравец, О. Ю. Заславская.** Адаптивное управление индивидуализацией образовательных траекторий на заданном множестве классов эквивалентности.
- Л. И. Фалюшина.** Проект развития системы дошкольного образования Засвияжского района г. Ульяновска.
- Е. В. Драгилев, Л. Л. Драгилева.** Повышение эффективности преподавания информационных дисциплин студентам гуманитарных специальностей.
- О. В. Никонов.** Дидактические условия формирования эколого-географических знаний при изучении естественно-научных дисциплин при помощи компьютерных технологий.
- СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ**
- А. Р. Лолло.** Коммуникативная сторона потребления и концепт жизненного стиля.
- ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ**
- А. М. Первитская.** Субъективный контроль как показатель готовности к лидерской деятельности.
- ВОПРОСЫ ФИЛОЛОГИИ**
- М. Б. Талапина.** Эволюция речевой семантики как отражение наивной картины мира.
- А. Н. Кунусова.** Мотив карнавала в венецианском лирическом тексте XX века.
- СВЕЖИЙ ВЗГЛЯД**
- М. В. Данилина.** Молодёжная политика СЕ и ЕС.
- Т. А. Иванова.** Самоактуализации в ранней юности на этапе обучения в среднем профессиональном образовательном учреждении.
- В. Н. Жидовцевая.** Методика оценки кадрового потенциала организаций.
- № 6 (6)**
- СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ**
- О. В. Воробьева.** Предпринимательский мир Русской Америки XX века: социальная база, менталитет, деловая культура.
- ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ**
- Е. В. Оборина.** Некоторые вопросы воспитания культуры межнационального общения в семье.
- ВОПРОСЫ ФИЛОЛОГИИ**
- Е. Г. Фомина.** Частная и общая эсхатология в романе В. П. Астафьева «Прокляты и убиты».
- Ю. С. Гаврикова.** Англоязычные антиутопии как поле для исследования интертекстуальности.
- М. А. Кобозева.** Понятие дискурса в современной лингвистике.
- ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТРУМЕНТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ**
- А. С. Ларионова.** Стратегическое планирование развития мегаполиса: теория и практика (на примере Москвы).
- СВЕЖИЙ ВЗГЛЯД**
- М. В. Жуков.** История возникновения и современные трактовки понятия «лоббизм».
- А. В. Веселов.** Взаимопроникновение субъекта и объекта в соционженерной деятельности.
- № 7 (7)**
- НОВЫЕ ПОДХОДЫ В ОБРАЗОВАНИИ**
- Н. Е. Судакова.** Философия инклюзии: к постановке проблемы инклюзивного образования средствами музыкального искусства.
- С. В. Бочкарёва.** The process of empathic cognition as the process of dialogue establishment within the systems «individual vs individual» and «individual vs culture».
- С. В. Бочкарёва.** The role of empathic cognition mechanism for word picture construction (individual-image).
- APPLIED PSYCHOLOGY**
- I. I. Degtyareva.** The impact of family climate and communication on teenager's emotional well-being.
- EDUCATION**
- I. F. Mezhan.** Research of basketball players fielding speed rate changes using individual correction
- С. С. Miroshnikova.** Establishing the life philosophy of to be teachers in the context of physical culture and sporting activity.
- A PERSON IN THE MODERN WORLD**
- F. A. Smirnov.** On transformation of human awareness at the time of anthropogenic globalization.
- PHILOLOGY ISSUES**
- S. A. Chichilanova.** Dialects, regional dialects and regional French language.
- FRESH VIEW**
- M. S. Esenbulatova.** Establishing the government machine and registration of rights in the Old Russian state.
- Yu. V. Cherenkova.** Uniqueness of non-anthropomorphic gestalt of the «Russia» locus in Russian poetry in the 70's of the XX century.
- D. A. Kamalov.** Orthodox tradition in the oeuvre of classical composers by the example of pieces of music by Udmurt composers.
- V. A. Leontiev.** On psychological dimension of «Childhood 2030» foresight project.
- A. N. Smykova.** Anthropological approach to latent syphilis and serum resistance research.
- I. A. Cherepanova.** Young people seeking employment for the first time in Kirov: problems and solutions.
- I. S. Sherbakova.** Personnel selection and job placement in Russian business companies
- № 5 (5)**
- EDUCATION**
- I. D. Stolbova, O. Ya. Kravets, O. Yu. Zaslavskaya.** Adaptive management of educational trajectory individualization in the predetermined set of equivalent classes.
- L. I. Falyushina.** Preschool education development project in Zasviyazhsky region of Ulianovsk.
- E. V. Dragilev, L. L. Dragileva.** Improving efficiency when teaching information subjects to students majoring in humanities.
- О. В. Nikonov.** Didactic conditions for constructing ecological and geographic knowledge in the study of sciences using information technologies.
- SOCIOLOGICAL SCIENCE**
- A. R. Lollo.** Communicative aspect of demand and lifestyle concept.
- PSYCHOLOGICAL SCIENCE**
- A. M. Pervitskaya.** Subjective control as the indicator of preparedness for the leadership activity.
- PHILOLOGY ISSUES**
- M. B. Talapina.** Speech semantics development as the reflection of the naïve picture of the world.
- A. N. Kunusova.** Carnival motif in Venetian lyric wording of the XX century.
- FRESH VIEW**
- M. V. Danilina.** Youth politics of the Council of Europe and European Union
- T. A. Ivanova.** Self-actualization in early youth during studies at the educational institution of vocational training.
- V. N. Zhydovetskaya.** Workforce capacity estimation in companies.
- № 6 (6)**
- RUSSIAN HISTORY COLUMN**
- O. V. Vorobieva.** Business world of Russian America of the XX century: social base, mentality, business culture.
- EDUCATION**
- E. V. Oborina.** Certain issues of fostering the culture of interethnic communication within a family.
- PHILOLOGY ISSUES**
- E. G. Fomina.** General and particular eschatology in V. P. Astafiev's novel «Cursed and killed».
- Yu. S. Gavrikova.** English dystopias as a field for studying intertextuality.
- M. A. Kobozeva.** The concept of discourse in contemporary linguistics.
- POLITICAL INSTRUMENTS, PROCESSES AND TECHNOLOGY**
- A. S. Larioнова.** Strategic planning of megalopolis development: theory and practice (Moscow case study).
- FRESH VIEW**
- M. V. Zhukov.** Origin and modern interpretation of the «lobbyism» concept.
- A. V. Veselov.** Subject and object interpenetration in social and engineering activity
- № 7 (7)**
- NEW APPROACHES IN EDUCATION**
- N. E. Sudakova.** Philosophy of inclusion: on the issue of inclusive education by means of music art.

- В. В. Степанов.** Психологический тренинг в сопровождении инновационных проектов.
- А. А. Савина.** Психолого-педагогические характеристики интернета как информационно-коммуникационной среды.
- КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД В ОБРАЗОВАНИИ**
- Е. В. Бондарь, Т. В. Хабарова.** Особенности формирования экологической компетентности студентов бакалавриата неэкологических специальностей.
- Ф. У. Базаева.** Содержательный компонент самореализации будущего учителя в многоуровневом образовательном пространстве.
- Ж. Г. Калева.** Реализация дифференцированного подхода в профессионально-компетентности социализации будущего эффективного специалиста.
- М. Г. Церцвадзе.** Диалог культур в обучении РКИ.
- О. Н. Зотова.** Моделирование системного формирования направленности будущих педагогов-музыкантов на непрерывное профессиональное саморазвитие в инновационном пространстве музыкальной культуры.
- ВОПРОСЫ ФИЛОЛОГИИ**
- М. Г. Церцвадзе, М. Н. Кухлашвили.** Концепт «сердце» в языковой картине Н. М. Карамзина
- А. А. Зиновьева.** Поликультурность городской среды как художественная проблема (по роману Джея Макинерни «Яркие огни, большой город»).
- СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ**
- Ю. Е. Горшков.** Мировая война и её последствия как катализатор фашизма.
- СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: ПРОБЛЕМА ЛИЧНОСТИ**
- Е. А. Ипполитова.** Проблемы планирования персонального будущего молодых женщин, не имеющих семьи.
- А. А. Русак.** Ценностно-смысловые установки городских жителей России.
- МЕТОДЫ СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ В УПРАВЛЕНИИ ПЕРСОНАЛОМ ПРЕДПРИЯТИЯ**
- А. Е. Никонова.** Психодиагностика стресса как составная часть стресс-менеджмента.
- В. А. Хвостикова.** Удовлетворенность работой и субъективное благополучие сотрудника, как фактор эффективности деятельности организации (на примере зарубежных исследований).
- ФЕНОМЕН КОЛЛЕКТИВНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ**
- Т. С. Воропаева.** Развитие национальной и европейской идентичности граждан Украины (1991-2011 гг.).
- СВЕЖИЙ ВЗГЛЯД**
- Е. А. Федосов.** Развитие коммунистической идеологии в странах Восточной Азии: влияние советского фактора или самостоятельный путь?
- № 8 (8)
- НОВЫЕ ПОДХОДЫ В ОБРАЗОВАНИИ**
- Л. И. Фалюшина.** Вопросы индивидуализации обучения детей в массовом дошкольном образовательном учреждении.
- М. Г. Церцвадзе.** Культурологический подход к преподаванию русского языка как способ формирования образа России и поддержания мотивации учащихся.
- Д. Н. Маркелов, Г. А. Дорopheeva.** Анализ современных средств и методов оценивания спортивной подготовленности юных тхэквондистов.
- А. Ю. Саликова.** Проектно-учебная деятельность как средство формирования лидерских качеств.
- ФОРМИРОВАНИЕ ТВОРЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ (авторская серия)**
- Е. Б. Быстрой, Л. В. Бачурина.** Современные подходы к обучению и развитию одаренных детей (особенности когнитивного поля исследуемых подростков).
- Е. Б. Быстрая, Л. В. Бачурина.** Специфика формирования художественно-эстетической компетентности одаренных подростков (на примере творчества Г. С. Райшева).
- ТЕОРИЯ И ТЕХНОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ**
- И. С. Романчычев.** Развитие индивидуальной социальной ответственности клиентов социальных служб: американский опыт.
- ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ**
- П. И. Кучер.** Философско-антропологический смысл вины и искупления.
- СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ**
- Н. И. Соловьянов.** Культы римской армии в Британии.
- А. В. Видяева.** Репрессии против журналистов Мордовии (1930-е гг.).
- Е. А. Павленко.** Социальные катаклизмы как фактор развития благотворительности (на материалах Самарской и Саратовской губерний).
- № 9 (9)
- ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ**
- Л. И. Фалюшина.** Государственное «управление» как фактор, провоцирующий коррупцию (на примере системы образования).
- ИНФОРМАЦИОННО-КОМПЬЮТЕРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОБРАЗОВАНИИ**
- И. А. Гольцов, В. А. Горычев.** Применение компьютерных технологий при изучении иностранного языка в техническом вузе.
- Н. В. Свирид.** Использование свободного программного обеспечения. Создание презентации в Open Office.
- ФОРМИРОВАНИЕ ТВОРЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ**
- Н. Е. Судакова.** Интерес к музыке в контексте обучения инструментальному исполнительскому искусству: некоторые аспекты.
- ИСТОРИЯ ОБРАЗОВАНИЯ**
- Е. В. Булычева.** Высшее образование в Греции конца XIX в. глазами русских путешественников.
- М. В. Демчишин.** Внешкольное образование в контексте системы народного просвещения России (конец XIX-начало XX вв.).
- V. V. Stepanov.** Psychological training in innovative projects.
- A. A. Savina.** Psychological and pedagogic characteristics of the Internet as informative and communicative environment.
- COMPETENCY-BASED APPROACH IN EDUCATION**
- E. V. Bondar, T. V. Khabarova.** Distinctive features of building Bachelor's ecological competence at non-ecological departments.
- F. U. Bazaeva.** Content-rich component of to be teachers' self-actualization in multilevel educational environment.
- Zh. G. Kaleeva.** Implementing a differential approach in vocational and competency-based socialization of soon-to-be effective specialists.
- M. G. Tsertsvadze.** Cultures interaction when teaching Russian as a foreign language.
- O. N. Zotova.** Modeling systematic orientability of soon-to-be music teachers towards continuous professional self-development in innovative environment of music culture.
- PHILOLOGY ISSUES**
- M. G. Tsertsvadze, M. N. Kukhshvili.** The concept of «heart» in the linguistic image N. M. Karamzina.
- A. A. Zinovieva.** Polyculture of city environment as an art issue (based on Jay McInerney's novel «Bright lights, big city»).
- PAGES OF HISTORY**
- Yu. E. Gorshkov.** World War and its consequences as a catalyzer of fascism.
- CONTEMPORARY RUSSIA: THE PROBLEM OF PERSONALITY**
- E. A. Ippolitova.** Problems of family free young women's personal future planning.
- A. A. Rusak.** Axiological and semantic orientation of the urban population in Russia.
- CONTEMPORARY PSYCHOLOGY METHODS IN PERSONNEL MANAGEMENT**
- A. E. Nikonova.** Psychic diagnosis of stress as a component of stress-management.
- V. A. Khvostikova.** Satisfaction from job and subjective employee's wellbeing as the enterprise efficiency factor (based on international case-studies).
- PHENOMENON OF COLLECTIVE IDENTITY**
- T. S. Voropaeva.** Development of national and European identity of Ukrainian citizens (within the period of 1991-2011).
- FRESH VIEW**
- E. A. Fedosov.** Establishing communist ideology in East Asian countries: impact of soviet factor or independent route?
- № 8 (8)
- NEW APPROACHES IN EDUCATION**
- L. I. Phalyushina.** Problems of educational individualization at mass pre-school educational institutions.
- M. G. Tsertsvadze.** Cultural approach to Russian language teaching as a means of creating the image of Russia and propelling motivation of school children.
- D. N. Markelov, G. A. Doropheeva.** Analysis of contemporary means and methods of evaluating sport degree of training of young tae kwon do sportsmen.
- A. Yu. Salikova.** Project and educational activity as a means of developing leadership qualities.
- FORMATION OF CREATIVE PERSON (author's series)**
- E. B. Bystraj, L. V. Bachurina.** Contemporary approaches to training and developing gifted children (distinctive features of adolescents' cognitive field).
- E. B. Bystraj, L. V. Bachurina.** Specific character of development the artistic and aesthetic competency of gifted adolescents (as exemplified in G. S. Raishev's works).
- THEORY AND TECHNOLOGY OF SOCIAL WORK**
- I. S. Romanchychev.** Developing individual social responsibility of social service clients: american experience.
- PHILOSOPHICAL ISSUES**
- P. I. Kucher.** Philosophical and anthropological meaning of guilt and atonement.
- PAGES OF HISTORY**
- N. I. Solovianov.** Roman army cults in Britain.
- A. V. Vidyeva.** Repressions against Mordovia journalists (1930s).
- E. A. Pavlenko.** Social cataclysms as a factor of charity establishment (by the example of Samarsky and Saratovsky provinces).
- № 9 (9)
- CHALLENGES OF RUSSIAN EDUCATION SYSTEM**
- L. I. Phalyushina.** State «management» as a corruption factor (exemplified by the system of education).
- ICT IN EDUCATION**
- I. A. Goltsov, V. A. Goryachev.** Application of computer technologies in foreign language learning at technical higher education institution.
- N. V. Svirid.** Use of free software. Making a presentation in Open Office.
- CREATIVE PERSONALITY DEVELOPMENT**
- N. E. Sudakova.** Interest to music in the context of instrumental performance training: certain aspects.
- HISTORY OF EDUCATION**
- E. V. Butycheva.** Higher education in Greece at the turn of XIX century as perceived by Russian travelers.
- M. V. Demchishin.** Extracurricular education in the context of public education system in Russia (at the turn of the XIX century).

НОВЫЕ ПОДХОДЫ В ОБРАЗОВАНИИ

Л. В. Гузенко. Профессиональная ориентация как основной компонент подготовки в выборе профессии (реализация в средней школе). Зарубежный опыт.

О. А. Зайцева. Интерпретация драматического произведения на уроках литературы в старших классах как методическая проблема.

И. К. Суружю. Метод экстенсивного обучения чтению.

М. Г. Церцвадзе, К. Квирикадзе. Дидактическая игра как прием обучения устной речи учащихся-грузин на занятиях по русскому языку.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Г. Е. Гун. Городская художественная культура: сущность, структура, функции.

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ

М. Р. Хамзина. Концептуальный уровень процесса познания в рамках научных школ на современном этапе развития науки.

В. Л. Тихонова. Специфика исследования культуры на примере методологических принципов А. Я. Гуревича.

СОЦИОЛОГИЯ

О. В. Салмова. Торговец городского рынка: прошлое, настоящее, будущее.

А. А. Шингарёва. Проблемы трудовой миграции молодежи малых городов.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

А. М. Шейко. Аксиологическая темпоральность в английской лингвокультуре. К постановке вопроса.

NEW APPROACHES IN EDUCATION

L. V. Guzenko. Career guidance as the basic component of training in vocational choice (high school stage): international experience.

O. A. Zaitseva. Interpretation of a dramatic piece at high school literature classes as a methodological issue.

I. C. Surujju. Extensive Reading Approach.

M. G. Tsertsvadze, K. Kvirikadze. Didactic game as a method of teaching Georgian students spoken Russian at Russian language classes.

CULTURE STUDIES

G. E. Gun. Urban art: subject matter, structure, functions.

PHILOSOPHICAL ISSUES

M. R. Khanzina. Conceptual level of cognitive process in the contexts of scientific schools on the current stage of science development.

V. L. Tikhonova. Specificity of culture research as exemplified by A. Ja. Gurevich's methodological principles.

SOCIOLOGY

O. V. Salmova. Trader of city market: past, present, future.

A. A. Shingareva. Challenges of provincial youth labor migration.

PHILOLOGY ISSUES

A. M. Sheyko. Axiological temporality in the English Linguaculture. Raising the Issue.

Информация для авторов

Журнал «Новый университет» выходит в форме ежемесячного альманаха в сериях:

- **Экономика и право.**
- **Актуальные проблемы гуманитарных наук и общественных наук.**
- **Вопросы естественных наук.**
- **Технические науки.**

К публикации принимаются статьи студентов, магистрантов, аспирантов, докторантов, а также всех исследователей, которые желают опубликовать результаты своего исследования и представить их своим коллегам.

В редакцию журнала предоставляются **в отдельных файлах** по электронной почте следующие материалы:

1. Авторский оригинал статьи (на русском языке) в формате Word (версия 1997–2007).

Текст набирается шрифтом Times New Roman Cyr, кеглем 14 pt, с полуторным междустрочным интервалом. Отступы в начале абзаца – 0,7 см, абзацы четко обозначены. Поля (в см): слева и сверху – 2, справа и снизу – 1,5.

Структура текста:

- **Сведения об авторе/авторах:** имя, отчество, фамилия.
- **Название статьи.**
- **Аннотация** статьи (3-5 строчек).
- **Ключевые слова** по содержанию статьи (6-8 слов) размещаются после аннотации.
- **Основной текст статьи.**

Страницы **не нумеруются!**

Объем статьи – не ограничивается.

В названии файла необходимо указать фамилию, инициалы автора (первого соавтора). Например, **Иванов И. В.статья.**

Статья может содержать **любое количество иллюстративного материала**. Рисунки представляются в тексте статьи и обязательно в отдельном файле в формате TIFF/JPG разрешением не менее 300 dpi.

Под каждым рисунком обязательно должно быть название.

Весь иллюстративный материал выполняется оттенками **черного и серого цветов**.

Формулы выполняются во встроенном редакторе формул Microsoft Word.

2. Сведения об авторе (авторах) (заполняются на каждого из авторов и высылаются **в одном файле**):

- имя, отчество, фамилия (полностью),
- возраст (если статья подается в рубрику для молодых ученых «Свежий взгляд»),
- место работы (учебы), занимаемая должность,
- сфера научных интересов,
- ученая степень, ученое звание,
- адрес (с почтовым индексом), на который можно выслать авторский экземпляр журнала,
- адрес электронной почты,
- контактный телефон,
- название серии альманаха, в которую необходимо включить публикацию,
- необходимое количество экземпляров журнала.

В названии файла необходимо указать фамилию, инициалы автора (первого соавтора). Например, **Иванов И. В. сведения.**

Адрес для направления статей и сведений об авторе: **ujourn@gmail.com**.

Мы ждем Ваших статей! Удачи!